

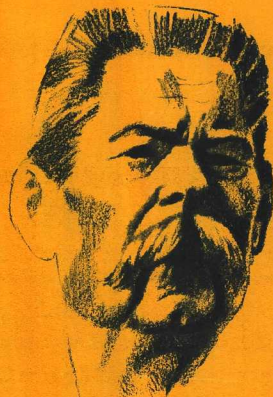
«...В песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, свету!»
М. ГОРЬКИЙ «Песня о Соколе»

№ 6 МАРТ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1918
ВЛКСМ
1968

СМЕНА

100-летие
со дня рождения
Алексея Максимовича
Горького
посвящается этот номер

В ряду славных дат, которые отмечает наша страна, 100-летие со дня рождения Алексея Максимовича Горького, создателя пролетарской литературы,— событие важное, волнующее и ответственное.

Великий Октябрь открыл таланту ворота, пробудил его во многих миллионах. Этому радовался Горький. Раскрытие таланта он считал основой основ культурной революции в нашей стране. Заботой о расцвете литературы рождена была добрая горьковская традиция—писать, заботиться о молодых писателях, поддерживать талант, ободять его.

Доброй традицией всесоюзная стали Всесоюзная совещания молодых писателей, которые ЦК ВЛКСМ проводит вместе с Правлением Союза писателей СССР. С. Нарочетов, М. Дудин, Ю. Дружинин, М. Лукин, П. Воронько, В. Тендряков, Ю. Трифонов, Е. Мальцев, Б. Зубавин, С. Баруздин, А. Алексин... Это лишь малая толика первых, 1947 года, «семнаростов».

В том далеком уже году они ходили, поздравляя медалью на новоязе гимнастерках, и чаще спрашивали друг друга, не из какого города, не из каких мест, а из какого, мол, брат, фронта. Теперь это без малого цвет советской литературы. Последний, IV Всесоюзный совещание 1963 года «полюжило» нам на полки 300 книг молодых писателей, в зональные семинары в Чите, Кемерово, Казани, которые проводил комсомолец, открылись десятки новых имен.

Да разве только совещания!
В стране тысячи литературных клубов и объединений, действующих под эгидой комсомола...
Комсомол организовал Всесоюзный телевизионный фестиваль молодой поэзии— небывалый доселе по своему размаху поиск талантов...

Большой резонанс вызвала международная встреча молодых писателей социалистических стран у Михаила Александровича Шолохова, в Венешко...
Только издательство «Молодая гвардия» за четыре года между двумя последними комсомольскими съездами выпустило 500—вдвумятыся, 500!— книг молодых писателей...

В Сибири рождается 50-тичная библиотека под названием «Молодая проза Сибири»...
Во всех республиках, во многих краях и областях учреждены литературные премии за лучшие книги о молодежи...
Комсомол и литература делают одно общее дело—выковывают человека-борца, переустройства мира, человека-создателя.
Так завещал Горький...

Все многогранное творчество, общественная деятельность выдающегося деятеля культуры, гениального пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького проникнуты великой идеей гуманизма, заботой о грядущем человечестве, о его молодости. А. М. Горький всегда близко к сердцу принимал судьбы молодежи, с глубокой заинтересованностью всматривался в поколение, идущее на смену старой гвардии революционных борцов.

В 1928 году Алексей Максимович совершил свою первую поездку по Советскому Союзу. Удивленное превозмозже все его ожидания. На встрече с комсомольцами в клубе Кузнецова 11 июня 1928 года Алексей Максимович, не скрывая своей радости, своего удивления, говорил:

— Вот я смотрю на вас и думаю, разве можно было надеяться, когда новые люди рождались, ну, например, в 1908 году, что они будут вот такими, какими я вижу вас сейчас? Конечно, нет. Колоссальный прыжок вы сделали. Но я уверен, что вы сотворите еще более чудесное, еще более великое... Вы—люди великой страны. Все, что я видел... прямо выше моего понимания, это—что-то чудесное. И в этом чудесном и вы, дорогие мои товарищи.

А. М. Горький встречается с комсомольцами в клубах, на заводах и стройках, участвует во всех начинаниях комсомола, ведет обширную переписку с молодежью, пионером, молодыми литераторами.

Документы, хранящиеся в Центральном архиве ВЛКСМ, статьи и речи А. М. Горького лет зачатейши содержатся в Ленинском комсомоле и великого основоположника социалистического реализма. Публикация подготовлена сотрудниками Центрального архива ВЛКСМ В. И. Деслерик и Т. А. Каменева.

Когда буржуазия всего мира выступила с бесчеловечными нападениями на А. М. Горького, вынужденного по состоянию своего здоровья жить в Италии, Ленинский комсомол на своем IX съезде поднял голос в поддержку великого пролетарского писателя.

Делегаты съезда с радостью отмечали, что этот Горький проявляет исключительный интерес к комсомолу! Накануне съезда А. М. Горький предложил посвятить весь номер редактируемого им журнала «Наши достижения» деятельности комсомола.

«Горький не только наш любимый писатель,— говорилось с трибуны съезда,— но и солдат пролетарской страны, который защищает ее честь и правоту перед лицом всего мира».

Бурными аплодисментами единодушно приняли делегаты съезда памятное обращение комсомольцев к А. М. Горькому.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ IX СЪЕЗДА ВЛКСМ
К АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ ГОРЬКОМУ

21 января 1931 года

Дорогой Алексей Максимович!
IX съезд ВЛКСМ с возмущением узнал о травле, которую ведет против тебя прогнившая пресса буржуазного мира. Мы отлично понимаем, что ломы и клеветы, направленные против тебя, являются лишь частями той лжи и клеветы, которой буржуазные писатели обвиняют наш великий Советский Союз. Мы отлично понимаем причину этой бесчеловечной злобы буржуазии.

—От имени трех миллионов комсомольцев мы зовем тебя, дорогой Алексей Максимович, что ты был не только великим пролетарским писателем, любимым и читаемым всей рабочей и крестьянской молодежью нашей страны,— свидетелем на тебя нам на передового солдата Советской стра-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Выходит с января 1924 года.

6
МАРТ 1963

наживе. Зверская конкуренция, непрерывная, густая борьба за жирный кусок, за рубль в Союзе Советов, замена одного соревнования другим, в труде всех на благо народа, в труде на благо государства — сделать Союз Социалистических Советов образцовым государством для пролетариата всех стран.

Первое в мире государство пролетариата, государство школы, где молодежь интеллигентнейших народностей воспитывается и развивается юношество армян, башкир, грузин, татар, туркмен и всех прочих народностей, где терять национальную специфику своего народа, культуры, высшую форму культуры трудового коллектива — интернациональную культуру — значит обречься рабочки и крестьяне еще планеты нашей по одному, милые, дорогие!

Комсомол, неисчерпаемый резерв партии, уже показал свои творческие силы по работе сторонниками социалистического воспитания молодежи и непрерывно, изо дня в день, повышает эти силы. Не забудь, что Комсомол — это не служба комсомолец в деле реорганизации жизни своих народностей, в работе с молодежью. Сделано много, следует сделать неизмеримо больше, и особенно настоятельно требуется обратить внимание на передачу Комсомолом комсомольской идеологии литературе для детей и юношества. Необходимо — и это было бы вполне естественно, — что Комсомол обратит внимание и на литературу для взрослых, — литературу, которая все еще весьма скудно видит себя свою. Туда тысячи писателей, отходящих отсюда, не слышат, что говорит им название сотни миллионов читателей, которые к ним и становятся более грамотными и требовательными.

По той линии здесь причины для тревоги. Тот факт, что маневры культуры желают нас втянуть в войну, тревоги не должны возбуждать и не возбуждают. Мы знаем, что если б капитализм не поробовало постыдиться из пушки в людей, не было бы войны. Мы помним пролетариат всех стран, создал гниющий народ капитализма в своей стране. И, разумеется, Комсомол тоже должен видеть пороки и бороться со своим. Однако, что раньше чем организоваться для банкетского налета на Союз Советов, грабителей мира должны будут подарить между собою. У них еще нет возможности встать на колени перед Гитлером и сказать ему: «Веди нас на войну. Но, рано или поздно, они дадут в руки пролетариата своего интеллигентского пролетариата, и он будет убит ради того, чтоб хозяева создания бесчеловечного государства могли слезть ни да еще десятилетия. Идентично положение в арабских и еврейских государствах, где религиозный ошвенден. Он требует от комсомольца, от бойцов Красной Армии уметь сражаться не только с пушкой, но и с словом. Необходимо научиться варьировать нею, но все же найдется время и для бесед с невольными врагом. Поэтому комсомол должен знать иностранные языки. Все это, конечно, известно и без моих слов, но особенно важно.

Все силой души мой приветствую комсомол Союза Советских Социалистических Республик. Желаю счастья дружной, успешной работе, чтоб такой она и будет. Непоколебимо верю в победу, борьбу товарищей, в успех, в счастье всем, что вы начнете делать в колхозах, на фабриках и в школе, куда приедет масса героической энергии. Ты же непременно поддержи комсомол на полях битв, переломные битвы первой в мире армии, правящей историей для людей.

Под словом ответного приветствия Алексею Максимовичу Горькому от имени комсомольцев и молодежи, направленного делегатами X съезда ВЛКСМ, и сегодня поставил свою подпись, какдый из нас.

ПРИВЕТСТВИЕ А. М. ГОРЬКОМУ ОТ X СЪЕЗДА ВЛКСМ

Дорогой Алексей Максимович! Достойный Всесоюзный съезд Ленинского комсомола горно приветствует любимого писателя и друга советской молодежи.

Молодое поколение нашей Родины черпает в Вашем замечательном произведении мудрость жизни и учится по ним страстно ненавистно пошлости и гниению.

Ваша мечта о гордых соколах — смелых и мужественных людей — воплощена в образе героев в летчиках, парашютистах, пограничниках в нашей героической молодежи, готовой на подвиги смелости во имя торжества великой нашей Родины. Мы знаем, что Вы с огромным вниманием и любовью следите за ростом и успехами молодежи нашей родины.

Мы высоко ценим Ваши указания и заботы о воспитании подрастающего поколения.

Ваше интуи и Ваше искреннее, пронизывающее сердечностью и теплотой, советское участие двигаются вперед, воспевают в нас мужество и решительность, непременность во всем направлении прошлого.

Горно желаем Вам еще многих и многих лет жизни и творческой работы.

Уверены, что под Вашим руководством советская литература создаст прекрасные произведения великой эпохи.

Да здравствует наш великий пролетарский писатель, главный Буревестник революции — Алексей Максимович Горький!

Даже эта маленькая часть публикуемых редакцией горьковских документов показывает неравную связь пролетарской культуры с культурой советской молодежи. Горький не только восхитился энергией и энтузиазмом молодых хозяев нашей страны, но и всем сердцем, всем своим оптимизмом и знанием жизни, показал нам своим счастливым будущему нашей молодежи.

перевод на русский его имя и фамилия означают «мудрость». Мы слышали казакскую, протрунавшуюся от желтых лесков Прикаспия до белых, свержающих на солнце вершин Тянь-Шаня, на земле, вскрывающей поэзию Сулейменова и постоянно питающей ее живыми соками, на этой земле зарелась небойшлой Ван-улу, где жил некогда Жыгу Ману, мудрый старый вымок из выдвальной в помин всю душу, всю страсть. Он пел о любви и степи, и ревизии коням, и добрым людям. Жыгу значит пошлый. Дед Олжаса Сулейменова не имел своего коня, и когда он умер, люди в награду за его несли положили на могилу черную коня. Епископ поет песни о новой жизни, о красоте большого чувства, о адюльтерных горах и высоких голубых звездах своей родины. Поэт сосонат саюо кровную связь с родной землей, «По закону сохранения дум, по закону сохранения радости» Олжас Сулейменов настоячно ищет истоки творчества, непременно ищет родную историю. Это не отглядка в прошлое, а осознанное желание узнать его полное, чтобы своими руками творить новую историю. Именно об этом писал Сулейменов в своей первой книге «Аргаман».

Ветер раздует пламя великой родины аргавана. Черные шапки испугают. В его молодых глазах, Пусть аргаван испугает, что такое זאתи, что такое дордара, что такое Нет дордара!

Писать Олжас начал рано, но родители посоветовали ему овладеть какой-нибудь «второй» специальностью, и он поступил на геологическое отделение Алаш-тинского университета, о чем некогда и жалеет.

Олжас вырос в комсомоле, и все его творчество так или иначе связано с жизнью и судьбой его сверстников — ребят, подымавших ценнику, прошедших военное детство, и тех, кто строил в его родном Казахстане первый советский космодрум Байконур, и тех, кто заводивает космос.

В одном стихотворении Сулейменов рассказывает о том, как он сплавился равно — глесты но-индуд, до-рсье мне радости. Дивуемая идея поэзии Сулейменова, нестывающие близостью ко всему новому, искреннему, хорошему раскрываются, быть может, главной причиной популярности его стихов у молодежи.

Из самых ранних уголков страны получают Олжас Сулейменов письма с просьбой прислать сборники произведений. Его популярность очень велика, несмотря на то, что в Москве еще не вышло ни одной из его книг, а втирак последний книги стихов — «Год обзьянынь», — всего десять тысяч.

Не вина московских издателей, что в столице не вышло ни одной книги Олжаса. Он сказал мне, что

уже не раз откладывал издание книги стихов в «Молодой гвардии», потому что это было бы равно — глесты эту книгу настоящие, полновесные стихи которых теперь, кажется, на такую книгу действительно набралось. Сказано это было весной рисовки, и мне исполнился слова поэта Д. Самолова о том, что поэт каждого поэта от внешнего к внутреннему, от ощущения к мысли, от поэмы к поэзии всегда труден и горой изоблует не удачным. Он же назвал Сулейменова одаренным, ярким, развивающимся поэтом. Когда я попросил прочитать книгу «Аргаман», «Ночь-паранамис», «Солнечные нокны», «Год обзьянынь», «Земля, поклонись человеку» и последнюю книгу «Доброе время восхода», за которую поэт удостоен премии Ленинского комсомола, справедливость этой оценки не оставила никаких сомнений. Поэзия Сулейменова от книги к книге набирала сил, зрелости, мужества, гражданской страсти.

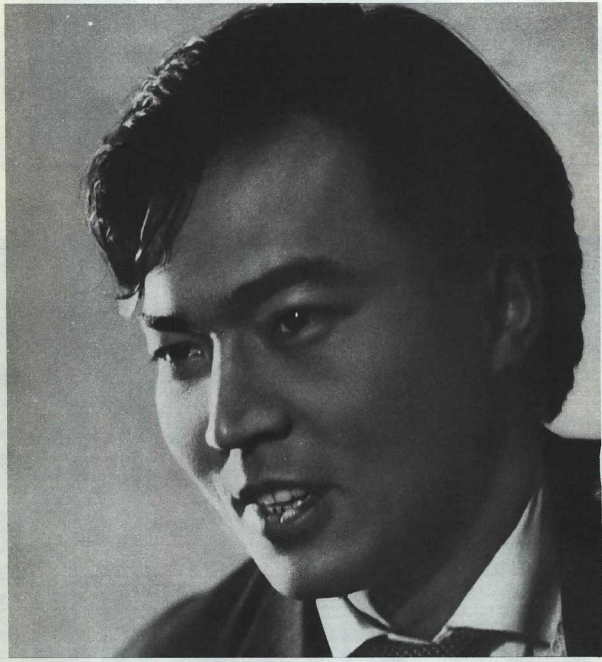
Олжас написал в одном стихотворении, что нужно возыметь родную степь, но уникала курганов горных. Эта мысль об интернациональной связи народов является одной из ведущих тем его творчества. И не только в поэзии, но и в кино, где по его сценарию поставлено уже несколько фильмов, и в кинознании, которым он с увлечением занимается. Об успехах его в научной области говорит такт поэта, а вышедшая в 1965 году издании «Олжаса о полку Игореве» с примечаниями В. Стеллецкого и Л. Тимофеева — признанный авторитет в филологии и литературоведении — есть довольно большая ссылка на статью О. Сулейменова «Босый волк и напевы готских деда», опубликованную в журнале «Простор».

Олжас изучил десятки книг, исторических хроник, древних летописей для своей большой работы о так называемых «темных местах» «Слова». У своей родной степи берет Олжас корни, и степи, исколотой желтыми цветами, и зеленого моря пастбищ, у покрытого крупными каплями росы тумане, у степей, над которыми несутся углами тонкие орлы. И степи его разгоразуются любовью к человеку, и красоте:

Ах, какая женщина, руны раскидав, Слов под выдохом обложной! Чуть журчит вода, И слышны тихо елу и в садле. Нет ни шагу, ни шагу, ни шагу! В сторону смущенно Искоса, Искоса, Искоса по земле! Солнечные пятна шириной в ладонь.

Когда-то, в начале поэтического пути, Олжаса обняла в том, что у него довольно узкий круг очень личных переживаний и впечатлений. Но

СУЛЕЙМЕН

этот лирический круг постоянно и быстро расширялся.

Николай Тихонов как-то заметил, что у Сулейменова эпические картины проходят в самом энергичном развитии действия, ошеломляя контрастами, драматическими сценами, избытком темпераментного, горючего чувства, смесью гнева и нежности, сегоднего эпоса и романтической лирики. Все это так. А внутренним двигателем поэзии Олгаса Сулейменова всегда было острое, горючее чувство. Година, чувство человека, который по словам самого Олгаса, смотрит на мир как бы вприщур. Так смотрят на мир художники, и тогда каждая земная малость, каждый человек и травинка вырастают до символа, до

обобщающего образа красоты, мимо которой люди порой проходят равнодушно.

Мы сидим с Олгасом в его рабочем кабинете на кинотеатре, и я спрашиваю, что думает поэт о назначении литературы, о ее задачах и целях.

— Не открюю ничего нового, — говорит Олгас, — если скажу, что главное назначение и истинный смысл литературы — возвышать человека, делать его читателя великим. Нужно различать за словом «народ» понятие «люди». Поэзия в какой-то степени выполняет миссионерскую роль: она должна просвещать и освещать. Предлагать мосты к человеческим сердцам, делать их добрыми. Мост —

это очень хороший поэтический образ. Я написал, может быть, не очень широко, но так, как хотел: мосты — мосты служили работю, все стихи. Недавно я был в Польше, в городе Ополе. Там есть клуб энергетиков, где по вечерам собираются молодые ребята, читают стихи. Сают потешно, орают свечю. Очень красиво. И вот один парень читал свои стихи. «Эротика в пустой квартире» — назывались они. В них описывались прелести любви. Так слово поэта, Большое Слово, призванное освещать, звать вперед, подымать, превращается чуть ли не в «ядробную свечку, в пустой звук. Как мало в этом живом поэтическом слове», — подумал я. И что обидно, даже этот неяркий

свет — и то только для себя. А потом я побывал в Майденеке. Там была простая, даже и не очень заметная табличка с надписью: «Траву не рвать». Я подумал, что это самый монументальный и торжественный пафлос погибшим в фашистских застенках людям. Здесь они голодали, здесь съели с голоду всю траву. И она не росла несколько лет. И вот эта простая табличка выросла вдруг до символа, стала поэтическим образом потрясающей силы. Таким и должно быть поэтическое слово.

У казаков проза называется «каре-сэз», что в дословном переводе означает «черные слова». А поэзия «ак-сэз» — «светлые слова». Это очень здорово: у поэзии — светлые слова! Как геолог, я мог бы сравнить поэта с кристаллом, который, попадая в перенасыщенный раствор, мгновенно начинает кристаллизацию. Об этом же замечательно сказал Борис Слуцкий в известных стихах: «В гуртук сужу по Назиму Хикмету.»

Поэзия имеет смысл тогда, когда хотя один человек скажет: «Да, и я так чувствую, и я так вижу, как этот поэт».

Когда я ощутил, что писание стихов становится службой, а не служением, я ушел работать в кино. Это не было паническим бегством или отступлением, просто я решил некоторое время поработать в смежной с поэзией области. Написал несколько сценариев — «Земля отцов», «Смелый маршрут», «По закону сохранения дум», «Знак коровы». Сейчас задумал сатирическую комедию «Существование», которую мечтаю сам и поставить в кино.

...Я слушаю Олгаса Сулейменова, мы с ним знакомы всего несколько дней, но мне кажется, что знаю я его уже давно. Может быть, мы с ним одинаково хорошо помним военное беслбие, или, может быть, рядом работали на целине в пятидесятых, или в один год вступили в комсомол, или... Да мало ли общего у тех, кто родился в начале тридцатых: школа, сдвиги Совинформбюро, тревога за судьбу отцов, мечты о подвигах, первые комсомольские поручения, учеба в институте, первая большая любовь...

В горьковском очерке «В. Г. Короленко» есть такие слова: «Радость о человеке — ее так редко испытывают люди, а ведь это величайшая радость на земле». Из общения с Сулейменовым у меня да и у его товарищей, по моим наблюдениям, возникает именно такая радость о человеке.

Он знает, чего хочет, Олгас Сулейменов. И каждому поэту слова поэта, каждому близка его искренняя любовь к людям, к миру:

Кружись, айналай, Земля мой
Кто ничто...
Я сегодня тебя понимаю,
Все болезни твои на себя принимаю,
Я очую, кружусь
по корогам твоим...

Все гато добро на больших до-
рогах поэзии, Олгас!

Григорий АНИСИМОВ

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ГЕРОИ

Некогда Алексей Максимович Горький предложил писателю создать две многотомные серии, рассчитанные не на год и не на два, а, может быть, на многие десятилетия. Это «История фабрик и заводов» и «История молодого человека».

В этой летописи давно и прочно заняли свое место книги В. Катаева, Б. Галина, К. Паустовского, А. Лодыженко, М. Ильина, В. Кербобаяна, Ю. Трифонова и многих других талантливых советских писателей. Летопись эта непрерывно пополняется.

Десять лет назад, после окончания факультета журналистики МГУ, приехал на строительство нового металлургического комбината в Новокузнецк молодой прозаик Гарий Немченко. Он придумал этой стройке хорошее имя — Запсиб. Слово это гуляет теперь по свету, а Гарий осел тут, живет и пишет о стройке, пишет своеобразную «Историю фабрик и заводов» — запсибовскую историю, от первого колмышка, и пишет «Историю молодого человека» — историю своих героев.

Два романа Гария — «Здравствуй, Галочкин!» и «Папка, моя милиция» — уже стали на книжные полки. Теперь писатель работает над третьей книгой, по заказу Кемеровского обкома комсомола.

Снова роман. Снова о Запсибе.

ВОТ ОН, ЗАПСИБ!

У ИСТОКА

Фото А. ЛЕХМУСА

Строится гигантский завод-таможня, на них по всей России известны. Неспокойная жизнь, бурлит, кипит, бьет о берега, все его отпущено полной верой, трепетом, славы, мужских обид, раздумий. И конуру этого хитросплетенного характера, устремлений, надежд с диапазоном от крошечного до самого-самого. Кто-то преодолевает себя, кто-то честности нищет, кто-то богатства.

Почти девять лет назад, июльские дни, ходили мы с другом по Москве, и мне, увидевшему, давал он последний совет. Обязательно, говорил, vedi дневник. Хотя несколько слов, но каждый день.

Тогда мы решили, что на стройке я пробуду полтора года: шел пятидесят девятый, а газетки писала, что в шестьдесят первом Западно-Сибирский металлургический даст чугуна. Потом срок пуска перенесли, и я

решил: прождал полтора, год-то уж как-нибудь прогляну. Потом едучи домой еще раз перенесли, и я опять решил ждать тем более, что ждать становилось все интереснее и бес-смысленными навалилось бросать дело на подорожку.

Но знаю, может быть, потом в силу вступила привычка, а может быть, и now-что другое. Там мы иначе, стали я на Антоновской площадке старому-люду.

Бывает, и поругавши стройку, а ругать есть за что,— до сих пор ни стадиона, ни обещанного планима плавательного бассейна, ни парадочного Дома культуры,— и помякнутый, и помякнутый заведему человеку, и разговор поддержишь вот там где-то, там — да, не то, что тут — чего хорошеет? А все равно живешь. И приходишь потом куда нудей-то и там говоришь: ну что у вас тут? О Западно-Сибирском не слышали? Вот там — да

Дневника я так и не завел,— не тот, намерено, характер. Но и без него многое останется в памяти не-долго...

Завалили литсотрудницей многоти-ранки, название которой «Металлург-строй», начавая и унаваив эдичиюю мысль. Шлово и странное то было времел!

...Один день сменился другим, и по-шли годы, и на твоих глазах чья-то жизнь замедлявала таной варам, что трудно устоять на ногах. Кто-то, оби-женный, уезжал со стройки, и вдруг возвращался тот, что уехал раньше, и все было совсем близко, не надо было долго ждать ни радости, ни не-счастья, и уми оправдание по отно-шению ко многим звучало это сло-во — судьба.

И если раньше приключилось бу-равально выцарапывать у стройки на-ной-то штрик и наюно-то слово, то те-перь молны на ней превратилась в тугой поток, в котором несешься и

ты сам, и теперь не надо было рас-спрашивать, надо было только слу-шать, и, чтобы замкнуться, довольно было даже одного слова, брошенного мимолетом: ты знаешь, что там у Толькии.

Жизнь оборачивалась всею, и ко-го-то хотелось поведать, с наю-то поспорить, кто-то — негонитого — объяснить, и что-то растолковать, а том числе и самому себе, и что-то обобщить.

В газетные рамки все это уми не улаживалось, рамки эти трещали по швам.

Потом, уже когда вышла моя пер-вая «серебряная» нииника, мне позво-нил хороший знакомый, один из ве-теранов Антоновской площадки. Сна-чала таним тоном, как будто накануне совещания трудовой подает:

— Добри-тани вчера твою иннигу... Еще добри!

Это был, собственно, первый от-

ВОТ ОНИ, ЗАПИСНОВЦЫ...

клики, и сердце у меня упало. Что, страшнее, совсем плохой!

— Я не о том, плохо ли, хорошо ли... Честно, видела, во время Перевернись, страну и думашь: был у нас воей случай, или не был? Вроде и был, только не совсем так. Или вот горы нашей. Знакомый, кемист, ну, знаю, в конкретном кто? Ты слышишь часто, кого ты имел в виду, когда...

И все в таком плане.

— Это было, как говорится, шестичи.

Ну, да, неужели я себя почувствовал, когда однажды в секциях книжки, где «дуют на розливе», в углу меня отгородил... Сидела, и слышала прохлающий мажорный полубоуом, и шлепал его — пророб — марично забубнил!

Ну, спасибо тебе, уважил! Вроде дружили были, но сейчас у Павла ни вот тогда, помнишь? А что же мне теперь — хоть бы что-то заговаривать, чтоб на людей не смотреть)?

И начал торжественно объяснять, что вовсе не имел в виду моего собеседника, когда писал о применении, заговора в литературоведении, заговора о собирательном образе, но пророб забубнил опять.

Ну, спасибо, уважил, мало своих грехов, дами ты еще чудом, значит, подсобрал да на меня навешал! — Да почему вы решили, что Твой-то — это вы?

— Это не я решил — за меня люди решили. Встал вчера днем на собрании и при всем честном народе — «буф» правильно, говорит, про бы в книге написан! Того ты и еста!

— Мало ли кто такой говорит? Это-то правдо, дами там другие еще с тобой, мол, как что, так сканда...

Откуда мне это знать, Петрович? — Ишь... укорил пророб — Весь поселок знает, у я него в ушах вела ли, что ли? За что же меня на бюро разбирали?

Потом-то я уже твердо убедился, что после выхода из кабинета что-то вступил с тобой попутешествовать заливаться и поборюе смотреть в другую поглядывает вроде бы с ниния-то собеседник.

И критика здесь, на Антонсово площадке, приобретает иногда самые неожиданные формы.

— Вот ты, кажется, написал про тачко-то? А ты что же, не знаешь, куда воле «Друбы» встрети — еси!

Будто с тех пор, как появилась книжка, человек, икинито образом отговаривая автора, на замечания, в какой-то мере ставший, громкоговор, протоптал его горло, а накомм случае теперь спрашивать должен автора, выпнуть ему или не выпнуть, и если выпнуть, то сколько, а тут, сурово сдвинув Фрон, обязан отступить на вздушку, ни слова!

Не знаю, может быть, какой-то отрок пути горой и его протоптывают вместе, часто плечом к плечу, но время, которым занимается книжка, для них перекресток. Одному отсюда — на икинито поучу, другому — дальше по жизни. Они недалеко прикрты икинито обложкой, другой открат в аткрат.

Человек, икинито я больше чем кому-либо обязан икинито «Здравствуй, Галочкин!» — бригадар Володя Иванов. Можно сказать, что в икинито-то, вышедши детством, в «собоих» книжке, объяснил мне, как полагается, Иванов так же тепло, как холодно, начал трудовую биографию, и ты же пришлое ему на первых порах на нашей стройке, и было с ним по-то же, что и в самом начале.

Миншю: это он, обшивавший мануальными котлом, переидавался на Машину, это его потом вычленился из списков передовиков только потому, что не был коммунистом, это он поетом копия к парторгу «за правдо...»

Икинито Галочкин, икинито я пытаюсь бригадана своего и в самом деле на стройке — жил и в поселке в геолог — такой Яненька Потого, что не был коммунистом, это он ошечу удачливый, я даже не стал бы считать фамилиями. Не знаю, может быть, легче было писать, видя перед собой неведомого Яненьку. Да и человек он хороший, пусть будет на память.

— Это дело в том, что в икинито не были знакомы друг с другом Володя Яненька боточник. Работал Яненька боточником, и в самом деле в лагерь, и приносит ему «самоуверенные» настоящие рисунки, икинито Яненька, и он же Потолова нуле и восстаивает, икинито...

Знает, Галочкин, и он же Потолова икинито?

Знает, Галочкин, и он же Потолова икинито?

Своей чеховке на стройке.

В жаленком селе на берегу реки Средняя Терь живет интересный человек, знаток тайги, Савелий Константинович Шаверинко.

Прообразом Павла Беренеева в книге «Пашка, жок млдичья стаа Павел Луценко.

Была на стройке девочка, судьба которой очень напоминала судьбу Толя Певаловой, однако совсем не так, как в икинито, складывались ее взаимоотношения с Володей Ивановым, ни вела она и его личной икинито.

В икинито же отношении всех троих — Галочкина, Потолова, Тоня — завязаны в узелом, может быть, потому, что было нечто общее в их судьбах: все трое они бы стоили на переломе — и туда и сюда могла их подтолкнуть икинито. Всех троих объединяли поиски справедливости. Все троим необходимы были честность и доброта. И смысл, хочется повторить, заключался в том, что люди наша — те великая стройковцы, икинито Яненька Потого, Тоня — ее громадный резерв. Он, резерв этот, может стать могучей действующей армией, поведи его в бой Справедливости, Человечности и Доброты, он не сможет остаться нашей тревогой и несбытостью нашей надмудрой — без икинито. Потому, когда здесь начинают спрашивать о повести, кто в ней есть кто, ты всякий раз думаешь равнение не законными бы эти рассказы друзей и знакомых другого — главно...

Когда я писал икинито «Пашка, жок млдичья», Павел Луценко, старший лейтенант, при встрече шутливо спрашивал:

— Скоро там свою историю про меня закончишь?

Но вот икинито вышла, и люди, если серьезно, разберись, о нем, как о Павле Луценко, или о ком-то другом.

Этот, настоящий Пашка и в самом деле был первым миллионером на стройке, и это на его долю выпало разбирательство сложных человеческих взаимоотношений в один из самых трудных ее периодов. Это он получил письма с угрозой расстрелять, и он поехал к нарком, вернувшись из заключения, неимидиан слышало уважительно: «Павл Александрович».

Он посидел на десять суток первого мажорального стройки — надо было.

Только в этом последнем случае Павел Луценко действительно куда более решительно, нежели Павел Беренеев — герой икинито.

Милочку своему характеру, доброте, так же как и внешности, обязан былшему секретарю райкома комсомола Юрию Беренееву, который учился сейчас в Высшей партийной школе.

Работает на Засписке экскаваторщиком Георгий Абраметти — Юра «Пашку», сказал:

— Э, тогда мол на тебя обиделся! Нет, товарищ, у нее черной юбки, со складками.

Но вы-то с ним обоим знаю, что черная юбка со складками далеко не

единственное противоречие между реальной, так сказать, жизнью и жизнью, описанной в романе.

Наверное, слышное плохой теоретик, чтобы это подробно объяснить, но дело здесь, может быть, в откровенной точке: Павел Луценко — первый на стройке миллионер, но формы у него пока, ни листопада при нем, ничего такого. Юра Абраметти — записной общественник, без него, как говорится, ни одна вода не осветится, оторон от хлопот — захажит. Так почему бы им не подумать, как неидеально-мощнее людям большой стройки в самом ее начале, тем более, что у них такой «оппонент», как хозяйственник-сибиряк, между икинито, дистанция довольно большая!

Пашкина работа — ход, сам он — зарплата, и главный герой, может быть, лишь постольку объединяет остальных, постольку заставлял их определить свою нравственную позицию, заставлял размышлять, как, например, заставлял размышлять в Паштохна над тем, что на революции все должно быть честно, все без вранья.

Платокин, начинающий стройки, — один из самых дорогих мне людей в этой икинито. Мне трудно о нем говорить, трудно его объяснить, скажу только, что образ этот почти целиком, и в не мог бы с уверенностью сказать, это — тачко-то.

Важная встреча: пришла читатель.

Секретарь райкома партии Иван Григорьевич Великий — прототип парторга стройки в романе «Здравствуй, Галочкин!».

У старожелов Антоновской площади — задумчивый разговор.

Сколько лиц — столько характеров.

Одного моего очень хорошего знакомого начальника стройки — правда, на Запаисе он не работал — ребята в пугры несли через тайгу после того, как он упал в котлован. Это его потом впервые подняли с постели и поставили на ноги приехавшие в город по поручению стройки и чудом проиницие в боольшую две девчонки-бетонщицы, бывшие комсомольские санитари.

Другому начальнику стройки — тоже очень хорошему человеку — пришлось отсиживать десять суток по воле Павла Луценко.

Третий, когда двое парней с угрозам и угрозами пришли и неужо требовать обрешку вызвал в кабинет здоровенного бригадир грузинской и попросил вынести «проектиеля» из кабинета, добавив, что бухгалтерия заплатит за это нани за уборку территории от мусора «плюс за вредность, потому что перлам».

Четвертый предложил хорошо поведущий и полновидный на своем воздухе комисси на совнархоза довольно внушительный счет — по рестраным ценам.

Пятый...
Но для меня все это — Михаил Степанович Платонкин, иреший, с характером, гордий и справедливей человек, перепроковид, за котормы ребята — огонь и в воду.

Работа, которая будто бы сама по себе идет в тебе каждую минуту уходящая фраза, повернуть деталь, узнать чью-то историю — прирпигать тут или, как сондир, сразу решить: это для такого-то моего героя. Конечно же, для него — как мне танков не пришло в голову рываши! И уже уверен, что без этой детали неположим бы задуваемый образ.

Казалось бы, эти все увиденное и услышанное можно разложить по полочкам, раздать рожденным тобой. Казалось бы, тем самым невольно вымергиваешь родину, из котормого пысьи, но вот странная штука: в родине этом не только не убавает, но даже как будто прибавляется — во всяком случае, ты все иснее и оттого тревожнее чувствуешь его глушину.

В общих мнимках о стройке и пытался нарисовать образ партийного работница Георгий Мироновича Блинникова, человека, хорошо знающего жизнь, делающего свое дело неотропливо, без оглядки на моду, но крепко и справедливо.

И вальды оставался в долгу перед Иваном Григорьевичем Великим, бесценным секретарем парткома стройки, а потом нашего Запорожского райкома. Стыдливо похорошала ему мнимку с извинительной надписью: там, мол, и так, Иван Григорьевич, не обескуражь, чем богаты, мол, ты и радья...

Он только хитрово улыбался. Иногда мне кажется, что этот человек должен чертскими заводить кому-то, живущему размерной жизнью, потому что здесь, на стройке, часто не разберешь, где день и где ночь и где та грань, за котормой можно сказать себе: на сегодня хватит. Я устаю. Я не могу. Не хочу.

Но не только стрелится завод. Создается нечто более важное — дух. И люди маут и тебе не всегда, чтобы радость поделить, они хотят разделить и тревогу и горю, и тебя — ты от них ближний — первого спрашивают глаза в глаза: а почему так?

Иногда и ему завидую сам. Потому что немереной своей работой на стройке заслужил он такое право — не опускать глаза...

Несколько лет назад я впервые подалум о документальной мнимке о стройке, о моих сверстниках, в ней участвующих, об их судьбах, о том, что здесь увидел и почув. Говорил себе: покажет вот на таком-то отрезке

Тут можно закончить. А потом эту поставленную мною задачу саввало, как в половоды! — жизнь продолжалась терпеливо и безостановочно, и без него, без продолжения этого, не зались незавершанными и судьями, и характерами, и спорами.

Я и сейчас не знаю конца этой мнимке, но хочется, чтобы она была

написана, лишь бы удалось сделать это так, чтобы она была под стать здравой жизни, выигнутой, яркой, подчас солоноватой, но живущей потому особым сибирским привкусом.

Все поза мнимсанное — только подступил, и мне не раз еще возвращаться и и возвращаться и родинку, так же не возвращаться — я уверен — к нему своим дуракам, мнимкам и работникам на Запаисе и Повимичи, где бы они сейчас ни были, тот самый солоноватый привкус...

Ступнет в сердце память о стройке Сергея Дрофенко, бывшему литострудинку мнотоготрамии «Металлургстрой», выпустившему хорошую мнимку «Обращение и мая», — в ней есть стихи и о Запаисе. Смога властно позовет и себя обща страна нашей молодости Гену Швейлинова, автора двух интересных мнимок о стройке — романа «Берег правды» и повести «Бед, таку несной», бывшего первого редактора мнотоготрамии. В Воронеже будет грать нарядыш бывший ответствиратель Паша Меленхин, талантливый и бесшабашный Паша, в отличных сборниках котормого «Эхо» и «Моями глазами» — стихи, рожденные стройкой. Напущут еще свое и ростовачанин Роберт Кеслер и сотрудинки «Комсомольск» Вольда Плотоя.

Ступнет в сердце, позовет и — напишут. Есть у стройки такая власть.

САМУИЛ МАРШАК:

«ОН ВОДУШЕВЛЯЛ ВСЕХ,
КТО ПРИХОДИЛ С НИМ В СОПРЯГОСОВЕННИЕ...»

Самуил Яковлевич Маршак по-прежнему с Горьким 64 года тому назад. Он жил в семье Алексея Максимовича, когда учился в Литинской гимназии, гостил у него в Италии, в Крыму, в Москве. Дружба между Маршаком и Горьким была всегда творческой, целиком строившаяся на преданности каждому из друзей общему делу — литературе. Горький с молодых лет проявлял отеческую заботу о Маршаке — тогда вместе с Шапегинным переехал в 1904 году болезненного юношу в Литинскую гимназию, когда устроил в 1932 году ненадолго приехавшего из Ленинграда и заблужденного директором сносившего Маршака в своей нелепой инициативе и организовал

его лечение, когда поддержал предпринятый Маршаком план развития «большой литературы для мальчишки», добившись организации задуманного ним вместе с сыновнем чувством, постоянно помогал ему в переписке с литераторами и читателями, в организации литературных дел, всегда был верен его зову. Он написал о Горьком много очерков-воспоминаний, из которых можно было бы составить целую книгу. Ни же мы публикуем часть этих страниц — отрывки из забытых очерков, печатавшихся в газетах в 1932—1944 годах.

ТАК РАБОТАЛ ГОРЬКИЙ

Уезжая осенью 1935 года из Москвы (это была его последняя поездка), Алексей Максимович писал мне:

«...Посламо стихи и рисунки двух женщин, работающих на канале. Не только в их личных интересах, но и вообще было бы очень важно, если бы вы наши возможности... — исправляя эти стихи, напечатать их вместе с рисунками... Издание стихов победителем бы на их товарищеской веселой олимпиаде. Мне кажется, что ради этой цели можно показать строгость оценки стихов. И, конечно, следует списаться с авторами, предложить им исправить стихи и т. д.

Может быть, вы сделаете это, дорогой друг мой?
На днях я еду в Крым, где, возврат, нет дождей и даже — изредка — бывает солнце. Жму руку.

М. Горький.

Это письмо было написано второпях, среди множества дел, которые Горькому надо было закончить перед отъездом.

Горький — писатель-редактор. Детская — работа крутой год, не давая себе никакого отпуска... Каждый час была у него на учете. И все же он находил время для того, чтобы помочь жить другим.

К. Г. Пугооский и С. Я. Маршак. 1937 год.

На столах и подоконниках в приемной у Горького всегда лежали пачки книг, аккуратно упакованные для отправки в разные концы нашей страны, спискам раздобытых адресатам — студентам, колхозникам, красноармейцам, школьникам.

Горький не ленился искать на своих многочисленных библиотечных поках книги, которые всухою нужна была для работы кому-нибудь из его товарищей-писателей.

В отношении Горького к людям не было ничего похожего на унылую, щую человеческое достоинство филантропии.

Это было деятель, всегда готовый помочь в творческой работе другим деятелям, знакомым и незнакомым. Встречаясь и переписываясь с ним, каждый из нас острее и яростнее чувствовал то, что присокдлет в большом мире.

В этом заключалась самая существенная помощь Горького окружающим его людям.

В молодые свои годы и в молодости, здоровый или больной, он воодушевлял всех, кто приходил к нему сопереживающе, своею бодростью, идейной деятельностью, непоколебимой и простой верой в правду и успех своего дела...

Горький не дорожил званием успехом. Он умел отказываться от литературной мажоры и жанра, которые приносили ему славу, если они не соответствовали больше его задачам. Детский литератор старался быть похожим на него — греческой, костюмом, песенником, сапогом... а сам он легко уходило от вчерашнего дня. Он отбросил стиль своего первоначального писателя — чуть приподнятый, романтичный, — и вдруг сделался необыкновенно простым и строгим. Для такой повести, как «Мать», ему не нужна была уже книжеская пышность.

Каждый раз задача диктовала ему литературную форму, и он со всей смелостью брался то за публицистическую статью или памфлет, то за роман, драматические сцены, сказки, очерки, воспоминания, литературные портреты.

И во всем этом бескомпромиссно разнообразии жанров, начиная с фальшивого Игуануады Хьяманди и кончая четырехстрочной эпиграмой «Камы Самкина», он был в сущности, один и тот же. Все, что он писал, говорил и делал, было проникнуто требовательностью к людям и жизни, уверенностью, что жизнь должна и может стать справедливой, чистой и умной.

Литературная профессия очень часто мнит людей.

Приходит этот раз в писательскую среду человек со свежим и новым материалом, со своим характером, с любознательной биографией, а через несколько лет его уже не узнаешь. Кажется подчас, что он и родился и вырос где-нибудь в редакции или в литературном клубе.

О таких соратниках по перу Горький отговаривал с досадой и горечью. Этох, говорил он, ничем не удержишь. Они, в сущности, не любят литературы и не верят в нее. Писать-то они еще иногда пишут, а вот мыслить совсем не умеют. То, что написано другими, их ни в малой степени не интересует...

Алексей Максимович любил рассказывать о том, как вместе с другими вожаками мальчишками был фоняри на высоком берегу реки. От этой страсти к битью стекла его отучил один хороший человек, стекольник, который так великолепно рассказывал о своем ремесле, что внушил Горькому всю жизнь уважение к стеклу.

Хорошо бы написать об этом стекольнике рассказ для детей, — говорил Горький.

— Так напишите, Алексей Максимович.

— Пруднее это дело — писать для детей. А все же, пожалуй, напишу. Обещание свое Горький так и не успел выдержать. Но о детях и о детской литературе он много думал до самых последних дней своей жизни...

Еще задолго до первого своего вклада в чужие края, в те времена, когда он еще и мечтал не жес о зарубежном путешествии, — он уже имел основопытное представление о Франции, Англии, Италии, Америке, насколько можно было с ними познаться по книжным запасам хорошей провинциальной библиотеки.

А потом, когда ему привлеклось учебное странье, о которых он столько читал с юности, он знакомился с ними не как турист, не как временный посетитель-тужестрапен.

В Неаполе он мог бы быть одним из лучших гидов по музею, по городу, по окрестности. Неаполитанцы из коренных неаполитанцев так хорошо знали историю своего города, воплощенную в старинных статуях, в мальчишеских попойках и узких, точно цепля, улочках, как знал все это сиплор «Мессинского Горьке».

И так же, как по чужому городу, свободно он странствовал по чужим литературам. Он сумел посто Романа, позволив ему немилых посто, о которой тогда тот и не смелка удивля и расстрога Романа знакомством со старор провинциальной поэзией.

И все, что знал Горький, — он знал не только про себя и для себя.

Ему хотелось, чтобы тот просторный мир, который открылся ему, был открыт миллионам.

«Эстафета» литературных поколений в «Смена», посвященная 100-летию со дня рождения М. Горького,— это воспоминания о Горьком, переписка писателей, напутствия мастеров слова молодым, иначе говоря, это материалы, свидетельствующие о том, что наша советская литература творит по-горьковски, живет по-горьковски, видит свое высокое назначение в служении Человеку — создателю мира, свободного и прекрасного.

ПИСЬМО ЕВГЕНИЮ ВИНУКUROVУ

Ялта
Дом писателей имени Чехова
30-IX-1963 г.

Мой дорогой Евгений Михайлович, мне очень огорчно и бесконечно последнее Ваше письмо. Показались ли Вы кому-нибудь хорошему врачу? Уточнил ли диагноз? Если бы я был сейчас в Москве, я сказал бы Вас с лучшими профессорскими диагностами. Но вернуться я не раньше 15-го, если мои врачи позволят мне ехать на Север.

Жалко брёт, если мы не увидимся. Побывайте в Ялте до Кисловодска. Яла будет, конечно, трудно. А хорошо бы!

Очень мне радует Ваша последняя книжка (изд. Гослитиздата). В ней есть и слабые мысли и зрелое мастерство.

Отослаю верстку своей «Избранной лирики» в Гослитиздат.

Начал писать статью о молодых поэтах. Хотелось бы мне показать ее Вам еще в процессе работы над ней. Тема чрезвычайно трудная. В сущности, непросто выдвигать «молодых» особую категорию. Вряд ли по «Статье о прозе» даже можно было судить о Блоке. А нынешняя молодежь провалила себя в первых книгах еще меньше. За стихами Блока всегда чувствовалась фаза его внутренней жизни.

Боюсь преобременить и опрочекать Вас оценкой. Еще больше боюсь впасть в авторский тон.

Посмотрите, что выйдет из этой статьи.

Будька хочу в этот году подготовиться к печати (хотя бы небольшой сборник).

Испытайте мне покоем. Очень хочу знать о Вашем здоровье. Когда Вы побываете в Кисловодске?

Крепко обнимаю Вас.
Ваш С. Маршак.

Много открывается нам в этой писемке и душевная связь Маршак с более молодым по возрасту и по образованию, и по характеру. Писала о том, что вышедшей книжке, и крайне важные замечания по поводу задушной статьи, и искреннее желание помочь заблуждающемуся.

Маршаку принес свои первые стихи Евгений Винокуров. Лучшее из написанного было напечатано по инициативе Маршак в «Семье». Так впервые появилась новая имя в поэзии...

До конца своих дней Маршак не порывал связи с талантливым

поэтом. Писал ему письма. Приглашал в гости, чтобы послушать новые стихи, почитать свои. И разве только один Винокуров знал дорогу и довел на улице Чкалова! Можно было бы назвать имена многих, получивших в этом доме и слово напутствия и боевое крепкое слово.

И вряд ли стоит удивляться тому обстоятельству, что став зрелым мастером, теперь Евгений Винокуров отдавал немало сил молодежи. Он знает по себе, как это важно, необходимо, порою решающее для судьбы литератора, сделать первые шаги в литературе.

Евгений ВИНУКUROV:

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ЭДУАРДА БАБАЕВА

«Кратчайшие пути» — так называется книга стихов Эдуарда Бабаева, которую тотчас же печатает «Советский писатель». Я бы мог немало поспорить от себя самобытного и крепкой книге и о ее авторе, молодом ученом, исследователе творчества Толстого. Об экспедициях — фольклорных, социологических, в которых он побывал. Об его находках и открытиях, связанных с Толстым. Но свободна мне хочется сказать всего-навсего об одном стихотворении Бабаева — «В город входить нельзя». Изобразительная сила стиха, дух жанрового, провинциального его, доброе, чуждое отношение к людям, право, горьковское — не побоятся этого слова! — отношения покорили меня.

О блондисте и верлибре немало спорят в нашем клубе «литературные мальчишки», ничего в жизни не испытавшие и упражняющиеся в этих мимолетных жанрах поэзии. Они не понимают, что лишь истинно суровые испытания выживают к жизни верлибр, причём эти происходят помимо воли автора, а не по заранее намеченной схеме.

У Бабаева захватило дыхание, когда он мысленно вернулся в атмосферу азиатского городка, охваченного нежданной опасностью. Встав сердцем повника, как от корабля, где никто не торопится с дурной вестью, советские люди стали быть. Эти ощущения и ощущения высклаки в нем высокие чувства. И тогда к нему пришла верная спутница таланта — сдержанность. Скупю и сильно он повелал нам в нескольких строках

С Горького начиналась наша советская литература. И он был озабочен ее развитием и ростом, укреплением ее авторитета. И заботу — отеческую и требовательную — чувствовали на себе молодые писатели. Теперь они — соратники и ученики Горького — стали крупными мастерами слова. И нынешняя их главная забота поминать горьковская — о будущем нашей литературы, о тех, кто сегодня принимает эстафету и понесет ее дальше.

столько, что мы ощущали себя участниками событий. Мы забыли об отчуждении ритма: она нам не понадобилась, ибо стих жила и дышала без нее...

Эдуард БАБАЕВ

В город входить нельзя

— Нет, нет,— сказал не спеша санитар.—

Не беспокойтесь. В нашем городке

Ничего такого нет. Но где-то в

Наших мертвого верблюда... пещках

Гостиница превратилась в

картинный барак.

— Пойти купить спиртного,—

Сказал бывалый сосед в пижаме,—

Во время чумы помогаю!

Все дороги

Перекрыты военными кордонами.

Из города нельзя выехать.

В городе нельзя войти.

Мониторинговый телефон работает

горючих ступи.

Санитар не глядя

Дал мне юбку

Дня Толстого

Из картинной библиотеки.

И ушел в прилегающую

Мать руки

Маргарицевым рестораном.

Горький ветер шавалит

Зеленые занавески.

Я посмотрел в окно.

Мил прекрасный день.

На плоской крыше

Соседнего дома

Девочка в берлатном жилете

Заглянула, какется, на облака.

На углу главной улицы

Человек на костылях,

Еще сохранивший выпраку,

Попунал свои газеты.

На тонкой веточке

Из-за крыш, дувалов и садов,

Пробуя ветер,

Медленно поднимался в небо

Бумажный змей.

Нет, нет!

Я никогда не забуду

Этот гостеприимный город,

Созданный для счастья,

Где больше ступи домов

Связано на солнце,

Где никто не торопится

С дурной вестью.

Что если не оправдаться,

И где топкая илму

Триста лет.

Михаил ИСАКОВСКИЙ:

«РЕЦЕНЗИЯ ГОРЬКОГО НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

СТАЛА ДЛЯ МЕНЯ СВОЕГО РОДА ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ...

В статье «Горький — в моей литературе» Михаил Исаковский рассказывает нам в свое время М. Горький стал нумером «вечивающимся» в его судьбу. В 1927 году в Москве вышла первая книжка поэта — «Провода в солдате».

«В поэзии тех лет,— вспоминают Михаил Васильевич,— были еще весьма слабыми всевозможные формалистические, аргументские тенденции. И некоторые критики советская ориентировались именно на них. Поэзия же, написанная простым, понятным, человеческим языком, трепетно, зачислялась в провинциальный разряд. И в мою душу начали закрадываться сомнения: а может быть, я не прав! Может быть, в своем деле следует писать более «исаковский»? Все мои сомнения рассосал Алексей Максимович Горький. В январе 1928 года в газете «Известия» появилась его «Рецензия» (так называлась статья) на «Провода в солдате». Даже живя в то время вдали от Родины, Горький каким-то образом нашел возможность прочесть первую книжку непохоже на известное «смазанного поэта» и выступить с ее защитой. Это мог сделать только Горький. В конце своей «Рецензии» Алексей Максимович писал: «Строки у него хорошие, простые, очень волнуют своей искренностью...»

«Рецензия», по глубокому убеждению Исаковского, была тем, что больше всего мне нужно было. «Горький» нам бы подтвердил всем

В своих стихах Исаковский рассказывает о первых переживаниях в деревне после революции. Показанным вскоре рецензия, но «бывшая поэзия, бытие по-бурскому» не отрицательные, разумеется, резко отрицательные.

своим авторитетом великого писателя,— пишет поэт,— что путь, избранный мною и мною же избранный путем правильным, таним, какому

Привыкать к стихии для стихов? Это от молодости. Жизнь только начнется. Испытания, видимо, пройдут сами. Способ ей нужно показать, чтобы вот тогда-то она не растерялась, а нашла свои выстраданные слова.

Ирина ЖЕРНАК

На даче

Дождя бы редкого грибного,
Да промывалась бы босом...
Да меда, сладкого, хмельного,
На хлеб намазанного, спой.

А бабушка ворчит и молит,
Чтобы скорей пришла гроза.
А бабушка ждет по полю,
Именно зная глаза.

А мне смешно и непривычно
За страх цепляться и за бред.
По небу я-то шаркну спичкой,
И не случилу всплуну свет.

Взметнулись в воздух клубы пыли,
И по дороге рожь легла.
Из детства мне остались были,
А сказки я на сберегла.

Шел снег. Штатал который ветер.
Ждал человек, который верил.
В мои чудные небожильи,
В мои поступки и слова.
Он видел все: глаза, ресницы
И как кружилась голова.
Он не унизил, не обидел,
Но стерла мне века бред.
Все оттого, что много видел
Он в выстреленные года.
Ему от душных кабинетов
Хотелось в рощу убежать.

Ему хотелось поздним летом
Певтвию-плату удержать,
Весною ранней и бесцельной
Услышать музыку гушты.
Ему хотелось женой, вечной
Обогащенности души.
Он в жизни ошибался дважды
И помнил: это не предел.
Шел снег.

И я не пришла однажды.
И дуб на зябре поседел.

Пусть дрогнут стены, пусть стекло
рассколется,
Ворвется ветер, просясь в горек.
И чувство берегов для нас
откроется
Тревожной всякой чувств, сильнее
моря.

И в море смотрит трепетно и
пристально.

И руки залопыт, все ждет и ждет
И губы вспаленные кусает.
О, если бы предидеть наперед,
Что на песке застанет тень босая!

И мы помним, зачем мысли
бревенчатые,
Зачем горбятся маленьки
пристань.
Зачем к причалу часто ходит
женщина

О, если бы предидеть наперед...
Сорвать закат получивший
бурный...
А чувство берегов свое возьмет,
Иначе как же выжывают в бурю!

Константин ПАУСТОВСКИЙ:

«ГОРЬКИЙ БЫЛ НАШЕЙ СОВЕСТЬЮ,
ЧЕСТНОСТЬЮ, НАШИМ МУЖЕСТВОМ И ЛЮБОВЬЮ...»

7 сентября 1931 года в «Правде» и «Известиях» появилось статья М. Горького «История фабрик и заводов». Горький писал о необходимости создать историю заводов и фабрик. Одним из первых откликнулся на предложение Горького молодой Паустовский. Он заргорел идеей воссоздать историю Онежского завода и вскоре отправился в Карелию.

Исследователем творчества Константина Паустовского Л. Левинич на страницах книги «Константин Паустовский» подробно рассказывает, как задание Горького стало для талантливого писателя школой жизни и творческого поиска, школой мастерства. Поездке в Карелию Константин Горьким обязан рождением не только очерка «Онежский завод», но и «Свадьбы» и повести «Судьба Шарля Понсевиля».

С именем Горького связывает Левинич и многолетнюю работу Паустовского над автобиографическими повестями «Далекое море», «Бесплодная юность» и «Начало неведомого века». Вот как один из эпизодических героев трилогии характеризует литературную работу:

«Это большое дело, но оно требует настоящего знания жизни. Так? А у вас его очень мало, чтобы не сказать, что его нет совершенно. Писать! Он должен как много знать, что даже старому подумать. Он должен все помнить! Он должен работать, как вол, не знаясь ни словом! Да! Вот! Одно могу сказать — идите в хату на армяки, на фабрику, в ночлежки... Чтобы жизнь пропала за вас, как спирт влякнута! Чтобы получалась настоящая настой. Тогда вы сможете его отпустить людям, как чудотворительный балзам».

Слова эти, услышанные юношей, мечтающими о литературе, невольно перекликаются с горьковскими словами о жизни и литературе.

Да не только то или иное произведение — вся жизнь, все творчество Паустовского связано с Горьким. И жизнь всего Паустовский связал об этом сам в статье «Завдання жизни», которая была опубликована 20 июня 1936 года в «Литературной газете».

«Смерть его ощущается почти так же, как сто лет назад ощущалась смерть Пушкина», — писал Паустовский. — Это — великое личное несчастье для каждого, кто любит жизнь, поэзию жизни и простоту человеческой сдержанности».

Горький был нашей совестью, честностью, нашим мужеством и любовью. Как нельзя звать ребенка, так невозможно было забыть о строности к себе, чистоте собственных помыслов и правдивости книг, когда судьей и товарищем был Горький.

Он оставил нам традицию большой литературы, пришедшей из прошлых веков и уходящей в будущее.

Если мы надумали традицию, если мы пренебрежем законами художественной правды, смелости обобщений, прозорливости, внутренней писательской свободы, мы никогда не создадим литературы, стоящей на уровне эпохи... Горький был неприкрытым. Он жестоко бил по человеческой тупости, грубости чувства, дикости нравов...

Он знал высокое счастье никогда не уступающей мысли, счастье зоркого глаза, веры в человека, счастье острой памяти и жадности к каждой жизненной мелочи.

Он знал и любил свою родину — и этому чувству мы должны и неограниченно учиться — потому, что жить, ощущать и положению на материальную любовь, чувству, заставляющему нас всей силой своих помыслов стремиться к осуществлению всемого и мудрого самосуществования на земле.

Нет, это была не статья, а торжественное слово боли и обещания — следовать Горькому, жить и писать по-горьковски. Так может писать бо-евики, азыанский писатель, и тот, кто живет в бою. Чтобы нести его дальше — от поколения к поколению, как и настаивать...

СТРАНИЦА ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА

В бюро секции прозы.
Т. Шуртков был в пятницу 5 лет слушателем моего семинара прозы, в Литературный институт имени Горького. Поэтому я знаю его хорошо и с полным правом могу утверждать, что в лице Т. Шурткова наша молодая литература приобретает писателя талантливого, много работающего, амбициозного к себе и чистого.

В течение нескольких лет Шуртков работал над своей первой повестью «Грубное лето» и упорно совершенствовал ее, несмотря на неблагоприятные условия своей жизни. Сейчас эта повесть увидела свет в издательстве «Молодая гвардия».

Кроме того, и Т. Шуртков имеет несколько хороших рассказов. Большинство из них напечатано в различных журналах.

Т. Шуртков принадлежит к той же группе молодых писателей, что и Борис Бондарь, Генрихов, Коршунов, Носиц Дик, Бондарев.

Я считаю, что если все основано для того, чтобы товарищ Шуртков был признан в членах Союза Писателей.

Константин ПАУСТОВСКИЙ.

3 ноября, 56.
Москва.

Семен ШУРТКОВ:

«ДОРОГА К СЕБЕ»

ИЗ БЕСЕДЫ С МОЛОДЫМИ ЛИТЕРАТОРАМИ ТИХОКОНЕВСКОГО ФЛОТА

Тихоконевский флот... Туда я попал перед самой войной. Приехал из родных мест, из Горьковской области.

Служил я сначала радистым матросом — дальновостником, затем был переведен в многоотрядную гатей соединении. И вот в ней-то затем в газете флота «Боевая вахта» и были напечатаны мои первые рассказы.

Конечно, эти рассказы были не более чем пробой пера. Я еще только учился писать, пытался постичь «тайны» литературного ремесла. (Не надо забывать, что, как сейчас я уже знаю, — писатель «учится» писать всю жизнь.)

Я очень много читал, и особенно ценным пособием для меня был — учитываю большую удаленность от центра — журнал «Литературная учеба», основанный еще Горьким. До сих пор памятна мне читательница из армянской статьи Дор-Гладкова, Константина Федин, Константина Паустовского,

Леонида Леонова. Особенно запомнились серии статей видного литературоведа и, как я потом узнал, прекрасного педагога Николая Ивановича Замощина — о сюжете, композиции, языке. Это были мои, так сказать, первые университетские занятия.

Конечно, я тогда и думать не думал, что пройдет не так уж и много времени, и я буду учиться у этих мастеров уже, но со страниц журнала, а, что называется, очно...

С достоянием рассказов и повестью, которая была опубликована в той же «Боевой вахте», я по демобилизации в 1946 году приехал в Литературный институт имени Горького. Приехал в Бушарте, из которого видны были, как и у вас вот, сине-белые полосы матросской телешки...

И Гладков, и Паустовский, и Замощин были руководителями творческих семинаров. Каждый из них щедро делился с нами своим

большим литературным опытом, своим взглядами на литературный процесс, на высокое признание писателя. Естественно, что у каждого из этих авторов и своя эстетические принципы и свои пристрастия. Гладилов, например, требовал более пристального внимания факту, первоисточникам искусства. Он не раз говорил, что для настоящего писателя все его жизнь без остатка и есть основа творчества, даже трудности нашей студенческой жизни советуют почитать за благо — вспоминал, как в каморке под лестницей писал свой «Демента».

Благородность Гладилова и других крупных мастеров слова, а все-таки должен сказать, что решающую роль в моей судьбе сыграл Константин Георгиевич Паустовский. В его семинаре я занимался около пяти лет. Константин Георгиевич умел чувствовать языку, совершенству формы. Правда, мы не отрицали этих понятий от жизни, от той атмосферы, в которой жили мы все до того, как попали в институт. Чтобы лучше узнать нас, как ребята в отдаленности, Паустовский попросил, чтобы каждый написал, как, когда и почему начал писать. Написать, разумеется, не вынет, а в форме рассказа или зарисовки. Я и по сей день помню этот небольшой этюд: было в нем ночное в пути за своим родным словом, и утренняя работа на тракторе и комбайне — а я на один год проработал трактористом и комбайнером, — были там и мои товарищи — машинисты, женщины, — мои первые и читатели, и ценители, и герои рассказов и повестей.

Мало кто так чувствует слово, как Паустовский. С каждым новым занятием мы убеждались в том, что можно овладеть и сюжетом и манерой, и вторичным и третичным смыслом — пониманию всего этого мы учились у Паустовского как бы заново.

Паустовский развивал в нас понятие об особой и каждой раз неодинаковой атмосфере произведения, его «воздухе». Он учил нас создавать настроение в прозе. И мы убеждались, что в зависимости от состояния действительно, по словам Паустовского, идет от наполненности писателя впечатлениями, переживаниями. Именно осенью после каникул он рассказывал нам, что ему доводилось видеть людей. Потом в зимних книжках журналов мы читали о войне и о жизни с изумлением обнаруживали страницы, бывшие совсем недавно нашими рассказками.

Константин Георгиевич доверял нам и верил в каждого из нас, а это очень много...

Моей дипломной работой была повесть «Грудиное лето». И сейчас еще заглядываясь на ее страницы: там многие абзацы выпялены твердой рукой учителя, на многих страницах его пометки...

Но вот диплома защищать. И вскоре Константин Георгиевич рекомендует меня в Союз писателей...

С тех пор написано и издано больше десяти книг. Особенно дорога мне повесть «где горячее солннышко», получившая горячее одобрение Паустовского и не раз переиздававшаяся.

Константин Георгиевич частенько напоминал нам о горьковском завете — никогда не порывать непосредственной связи с жизнью, не отрываться от жизни жарким литературным, как очерк.

Очерк — прекрасная школа для молодого, да и не только молодого литератора, а зтом я убедился на собственном опыте. Это — так много большого опыта. Очерки, которые я писал о людях деревни, потому помогли мне во время работы над рассказами и повестями.

Последние годы мне пришлось много путешествовать. Я бродил с геологами по пещерной тайге, работал в бригадах геологов, побывал в Туве, на Ангаре и Вилюе, на Лене и в бухте Тикси, откуда летал на ледовую разведку к полюсу.

Побывал и в краевой юности — на Дальнем Востоке, на Сахалине и Курилах. Пришлось мне поводить и многие европейские страны. В результате этих поездок вышли книги «Путешествие на край света», «Франция близки и другие».

Впрочем, не только за новыми книжками приходилось ездить в дальние края. Вот уже более десяти лет я принимаю участие в семинарах молодых литераторов, которые проводятся ЦК ВЛКСМ совместно с СП РСФСР. Тут можно сказать без преувеличения, что комсомол стал горьковским школой молодой литературы.

Геологам, как известно, очень обихаживают — от Москвы до самых до окраин. С опытом удовлетворения я вспоминаю Читу, где мне пришлось руководить семинаром прозаиков и работавшего в Чите чингисского и камерского семинара издательства «Молодая гвардия» выпустили сборник рассказов «Взгляд». Как составитель и редактор этого сборника, я писал в предисловии к нему, что все, кому пришлось принимать непосредственное участие в работе этих форумов молодой литературы, испытали не только чувство большого удовлетворения, но и истинную радость. Живо дружеское общение было интересным и полезным и для молодых писателей и для нас, руководителей семинаров.

Кто и откуда приехал в Читу и Камероно? Туда приехали поэты и прозаики с Сахалина и Колымы, из Приморья и Приморья, из Чукотки, Забайкалья, с Урала и Приуралья. Приехали писатели-геологи, рыбаки и строители, полярики и молодые ученые. Все это люди, знающие жизнь не понаслышке, а что называется, из первых рук. Таига и море в их произведениях не фон, не орнамент, а воздух, которым живут, которым дышат герои.

Дмитрию Сергеювич Валерию Шульжину, Валентину Распутину или Юрию Раслому, как и многим, многим другим, нет нужды доказывать о «делении биографии».

Она у них уже есть. Каждому из них, разумеется, предстоит еще много учиться и у мастеров литературы и у самих поэтов. Впрочем, делать это приходится не только молодым, делать это приходится всем и всю жизнь, потому что писатель всю жизнь как бы идет к себе. Сколько лет я, кажется, иду от Тихого океана к океану жизни и опыта, а прошел уже совсем-совсем мало...

СЕМЕН ШУРТАКОВ О ПЕРВОМ РАССКАЗЕ ВИТАЛИЯ МАСЛОВА

С Виталием Масловым познакомился я несколько лет назад в далекой бухте Тикси. Впервые тогда я и прочел его первые стихи и рассказы. Все они были посвящены Северу, морю. Это и понятно: вся жизнь Виталия связана с Севером и морем. Родился он на Мезени и в ранних мальчишеских лет плывал в северных морях. Сначала на рыбачьих посиделках, затем — на гидрографических судах, а в последние времена — на атомолодях «Леня» и дизель-электролодях «Обь». Виталий Маслов рабств и очень любит свою специальность, как раба и своей родной Север. Это последнее мне бы хотелось особо подчеркнуть. Виталий Маслов всегда надежен, удалился еще перед войной, «замотался» его было далеко не каждому. Говорит, что с этого удивления — удивления не только перед чем-то необыкновенным, из графа вошедшим, а и перед обычным, обыкновенным, простым — и начинаешь писать. Если это справедливо, то не менее справедливо, наоборот, и обратное: каждый берущийся за перо должен так или иначе и обязательно любить то, о чем он собирается писать. По моему глубокому убеждению, без этой любви и не может быть настоящего писателя.

«Северная жизнь» — первый рассказ Маслова, публикующийся в студенческом журнале. Виталий Маслов как бы выхлудил в большой и трудной литературной плавании. От всей души желаю ему попутного ветра!

СЕВЕРНАЯ ЖИЗНЬ

ВИТАЛИЙ МАСЛОВ

РАССКАЗ

Велю за полночь. Лунно. Низкий и длинный крупообразный туман грядет из-за стурбов на море. С проулка вдоль всей стены сияет отидан. Недалеко от угла выдвигается и бросает черную тень высокой полд сактом крест, томе обращенный к морю. Ворота, отворенные в крыльце, не заперты.

— Да-да... — посплышали в ответ на мой стук. Я вошел.

Женщина в ночном сарафане проширала на фоне подсвеченных луной окон в соседнюю комнату и вернулась оттуда с зажженной свечой.

Большая оклеенная коната. Левки вдоль стен. Длинный крашенный стол в углу. Безликая рестрексивная икона.

Женщина поднимает свет к лицу. Это была белая, как северная куропатка, старуха с унылым и ясным взглядом, наморщившимся крупным лицом.

— Ждем, третью ночь керосин переводим... Она кинула на лампу Малой ларьку худе спит, руку поскел. Нарывает. Да ты раздвайся. Бросай которо на вель, которо посуше — на полати.

Голос у бабы материнской.

— Пешей, наверно... Али не слышала, как распрятал... Я сейчас уголья в самовар напускаю — живо скипит. Не успел отойти, провазного председателя перед дорогой погна. Как-то доберется! Дальше путь совсем снегом завало, подье маре пришлось ехать по припью по береговому.

Эна погудка на целу недалеко задриня — все прорубы снегом заусаюло. Сын с бригадой которой уже день со льду не сходит.

Она сыла самовар, добавила уголь, судула пыль с крышки и продолжила, отглядывая меня:

— А мещуна меня: «Сейчас пойдешь в бригаду бросил. Знаес бы с венк. Приезжал в бане мылся пастук из третьей бригады. Собака авона осталась, кабы не грызла чего»...

Зря несисько минут я дил ароматный чай, хрустел подзащитой раскрасочной картошкой о себе.

— Зря соборившая этакую дурогошний месяц... — говорила мне так старуха... Отдохни для два, каке-либо подвода и подвернется. Била неволь ноги наминает. Да вот...

На улице зловонная попольза. Я приподнял подмошную связку на замаску и сквозь маленькую отаплику главу на учил. Быше огня, на стурбю, полукурорух охватившем дом, под луной, гладыщей прямо сверху, покачивали ветвистыми рогами олени. Люди были двое — большой да малый. По оденке они морщинистые чиновники-ком с роки Ионы.

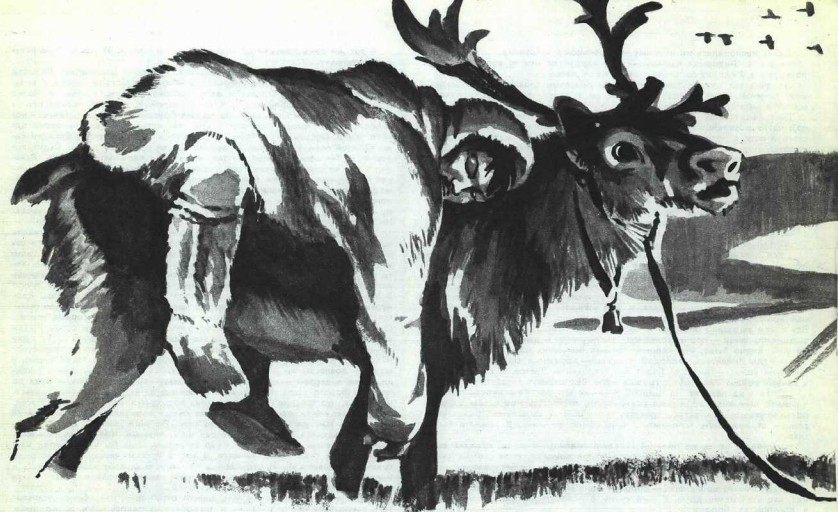
— Неоткуда бы икнам-то быть... подлилася из-за стола старуха... Ближик колхозы почти сплошь немечи.

Дверь открыл молодой.

— Икоче нет... вымыслил он спокойно, но вопроительно, а скорова по примычке не дожидаясь ответа, стурбу на учил. Быше огня, на — Альдоротово — подорвался олен — Думан, будить придется, а вы... — Заходи, заходи, дуроголь гости! — Баба обрваденно пошла влево навстречу — Совсем, думанга, заблудил...

— Ты, Ильяничек, Живай Заревствуй! — сказал высокий, словно только сейчас узнав старуху.

— Слава Бог, Петруша. Пора бы помянуть-то, да господь смерти не дает. Точку потыхонку землю-матушку. Каково дохлали! Ведь, говорят, далеко от людей идете...

Олень не меньше моего спотыкается. Упадёт, Тимофея в воду уронит, тот всёшь мёрзнет.

— Вёшь — думаю.

И хотя тундара кругом родная, а умирать от как неохота! И ничего уже не вижу перед собой, кроме следа человеческого.

Вдруг слышу:

— О-о-эй!

С трудом дошло до меня, что это такое. Поднял голову — упряжка с тремя оленями движется по другой стороне озера на навстречу. Вернулся кассирша. Должно, прозвоня вперед не было. Повернулся лицом к ней, поднял руку и упал головой в снег.

Нет, не заболел я, в оцепен. Оцепился — чувствую, летит мне в рот чай, густой, акусный. Открыл глаза — небо... В первый раз за все дни небо увидел. Голубое-голубое. А рядом с облаками даже зеленоватое немного. И чайник. Повернул голову — девушка, худая и черная, лет восемнадцати.

— А мы тебя искали, — говорит.

— Вижу, — улыбается несвесело — Меня Фаяй зовут...

На другой день я встал на ноги. И Тимофея от чая стало полше. Чай у нас в тундре и уточение первое и лекарство первое. У Фая было с собой несколько пачек чая и котелок. До нашей встречи она тоже ни разу не разогнала огня, а тут согрела доски с санок, вскипятила чай.

Два дня стояли. Олени подкормились. Нашего единственного тоже подкормил. Тимофея уложили на сени, сами — пешком. Решили идти в ту сторону, куда шли раньше, надеясь встретить ручеёк, а ручеёк ровной и к морю выведет...

— Вошла бабка Ильинична, пустила облак холодного тумана по полу. Глаза у бабки блестя, волосы окуривала.

— Слава богу, все поднялись! Натя-но, перехватите жаркого да картошки. Погода немного по-сорошому накрюило. Да вот еще чайник чашко отлит из самовара. Высок в пачки, да по станку-то набейте.

И бабка с шумом закрыла занавеску.

— Иногда мне, баяя поспевает, надо трубу закрывать, не упустить бы жару.

— ...Так вот, — продолжал Петр, когда бабка ушла. — Тимофей стал выдоравливаться, а я наклонился как-то за ягодами, разогнулся — ничего не вижу.

Фая с нами мучения приняла — всю жизнь помнить будет. Хотя, понятно, веселее с людьми. Я шел, дермась за сани, спотыкался, потом хуже и хуже стал себя чувствовать и наконец слег.

Как дальше добрался — не видел, не слышал. Вывела нас Фая — тогда уже Тимофей на ноги поднялся — аж на Печору, чуть не за тысячу километров отсюда. Отвела меня в больницу, перевела колохозу деньги, сообщила отца, что нашлся, и сама еле до больницы добралась. Дало было в Нарьян-Маре. Пролетал я в больнице три недели. Зрение вернулось и чувство себя неплохо. Выписали — побегали на аэродром и в тот же день прилетел в свой район.

Море свое увидел. Я там годов двадцать летовал. Шунит, ластится, как собака верная. Вот оно, счастье, думаю. Дважды бываю так потрясен чужием счастьем, от которого аж труды ломит, и горев, от которого себя не больше своего кулака чувствую...

На боте довезли меня до Губистой, где бригада наша стояла. Встретили меня так, будто не через тундру — через другую войну прошел. На

ураке с бота вынесли. А Глафиры моей на берегу не было: ждала меня через несколько дней и вместе со стадом была еще в тундре. Хотел я сразу же взять упряжку и махнуть ей навстречу, да друзья отговорили, отшутились, мол, опять заблудиться.

— Ботку спирта, — кричат, — нашли на берегу, ох, и справим твоё приваловое! Чертам тошно будёт!

...Когда на путине рыбы нету, время есть. Пей, гуляй! Разводат из бидона, в каких обычно киросни хранят: — Истиннейшй Перевоз из Бочики Брали!

Я пить не мог, слаб еще был после больницы, потому мне и не налили. Посидел и пошел спать к Тимофею. Он раньше меня прилетел, но самого Дома не было, уехал за спиртом.

Прислулся я от тяжелого, сдвоенного храпа. Ничего не понимая, всочил и тут только разглядел в полукаре мужчину. Скорьная, он ползал по чуму и, рыча, раскидывал вещи. Он что-то искал. Вдруг он закричал громко: «А-а-а!» Наврядиство так закричал, потом резко всочился, замолот головой, вась изогнулся:

— Солн! Дайте солн!

Не переставая хрипеть, он рвал ворот рубашки и, страшно раскрыв рот, стал раздирать ее руками.

— Солн, солн! — орал человек, ничего не замечая перед собой.

Я выскел из чумы.

Метрах в двадцати плачущие женщины пытались поднять ненца, а тот извивался, кричал и ползал по земле, заргавая ее руками.

До меня дошло, что технический спирт пил все мужичины послена, так как из-за штурма в море не ушел никто. Надо было срочно достать врача. Но до больницы до соседнего мыса два дня езды на оленях вокруг залива...

До всего послена, завидев меня, бежали навстречу перепуганным женщинам. Да, надо было любой ценой достать врача.

— Отпавивайте чум! Можете! — крикнула я женщинам и кинулся к борту. Там, рядом с морем, в устье Губистой, мотался на яхоре моторная дора. Думать было некогда. Одвтай, бросился влывав, и до сих пор удивляюсь, как в такой воде не святили меня судорогой. Совсем обессмысливший, вскарабкался на дору. Мотор не заводился. Нашел в корме грузную бытлицу с бензином, плеснул на свечу. Двигатель неровно, с переборами, но все-таки застучал. С трудом выбрал якорь и перевалил его в катер. Прибавляю оборотов, дерну носом не волну, а сам пытался хоть сколько-нибудь спрятаться от ветра за двигателем; схватился за выхлопную трубу — жжет, а тало от сырости и холода сводит.

Когда стало совсем невнятно, наверно, не выдержал, поднялся, чтобы помахать руками простить себе не могу! — не выдержал, поднялся, чтобы помахать руками и разогреться сколько-нибудь, но дору сразу же так бросило, что я упал на борт и выгнулся руль. В тот же момент нос моторки так кинуло вперед, что грёбёны волни обрушились на двигатель, он заглох...

Схватил я ручку, крутил один раз, другой — не заводится. А ветром и волной вант меня прямо на бурны и камням. Переполз на нос и, упершись двумя руками, столкнул якорь за борт... Отдшился.

Сносить перестало. Спустил из бачка смешанное с водой топливо, налил молока, добавил остатки бензина и выбросил пустую бурную за борт. Выбрать якорь уже не было сил, и я, не выпуская руля, ударил топором

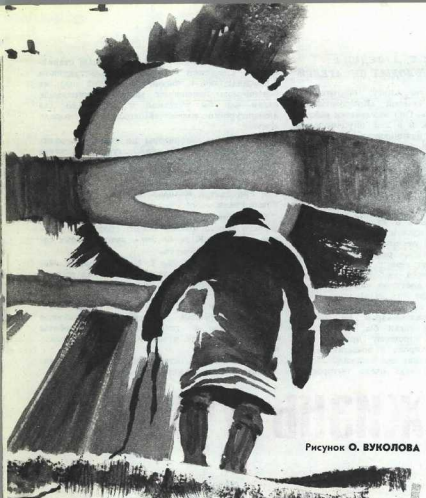

Рисунок О. ВУКОЛОВА

по якорному канату... «Ну, — думаю, — если двигатель еще раз остановится, на якорь больше не встанешь... Стащил с себя пиджак, выжал и накрыл топливник бак... А тут снежный заряд налегает, рубашка колом от холода встала... На полном ходу я выбросился на подветренный борт Большинного миска. А там уже весь поселок сбивался, понимая, что не с добром такую малую посудину в шторм в море выпустить...»

Закончен я так, что не мог сдвинуться с места...
— Люди помирают! — только и слышал.
Привалил меня обратно в Губиную. Грудь ломит. Жарко. Открою глаза — и холодно становится; опять, как тогда в тундре, ничего не вижу. Хоуа чхаст. Жена Тимофея не разрешает, плачет, из чума просит не выходить...
Доктор, — говорит, — освободится и сразу сюда придет. И другой врач на самолете летит.

Перед тем как еще раз забиться, успел я подумать, что слепота не впервые — проядет.

Вот когда беда настоящая пришла. Нежданно-негаданно...
Я уже говорю, что, когда приехал, Тимофея не было: за спиртом отравился. Так вот, потом он рассказывал, что налил из бочки бутылку и два шары, какие поплавок или к сетям привязывают, и даже не попробовав, думая, дома за одним столом со всеми выпьет. По дороге у немца знакомых чмо напихал, но и там не пригубил, — видно, судьба такая. Подъехал он к Губинтой, к реке, — дочь бежала перевозить, но своим голосом кричит:

— Выливай скорее! Выливай Мужик помирает! Соль горстями в рот толкуют, волосы рвут, воздуха просит! Петра чуть живого привезли с Большинного. Слепого, Выливай!

Хрюсну Тимофей бутылку о борт, вынул шары, бросился в поселок. — Мать людей спасти, но могилу братскую вырыть пришлось. У Никифора, у хозяйки нашего брата в ту могилу засыпали, сына Ильиничина...

Вот как получилось... Не увидел я Глафиру... Она приехала через день. Так я ждал этого момента, столько лет! И в какую муку превратился он! Губы ты, волосы те, все под ладонью моей такое же, а глаз не вижу... — Глафира...

Упала мне на грудь...
А утром убежала она на колхозное собрание и вернулась только под вечер. На следующий день — то же. Она партиянка у меня, в Губиную нечасто приезжает, вот ее и задержали.

У меня было много свободного времени, чтобы думать. Встану, шарю шаг — поломяю что-нибудь, двинусь с места — упаду, залпнувшись. Глафира говорит, поседая я.

Цеплюсь дилем слухом, как море шумит. Штормило...
А увела меня Глафира в тундру — еще тяжелее стало. Не бросила она меня одного, то и дело, слышу, мчится от стада. Кинет хвост уходя, прискажет, накормит, делать что-нибудь даст, что мне по силам, а сама летит опять к оленям, такело, комариное лето было...

А я! Ну, куда слепой в тундру? Какое горе может сравниться с этим? Переживал я, думал. Чересчур много думал. И надумал плохое.

Однажды Глафира — сам я попросил — дала мне шкурку песцовые выдывать...

— Да — говорю, — хоть я и слепой, да музичена, не первый раз в руки беру... И все испортил сослову, все изорвал. А она щелю зиму с капки-

нами ходила за песцами за этим. Со слезами бросил я езёкю, плюнул на жизнь свою, взял нож, отошел дальше от чума и вот...

Петр провал ружью по шею.
Никогда не прощу себе того мучения, которое Глафира принес. Но жаль и тут меня простить. Чем она лечила меня, как сотрала? Если бы сказала, что она ружью мою языком зализывала, поверил бы... И ни разу не сорвался, ни разу не закричал. Только как никогда под руку не падал.

...Вамаша. Не мог я больше так жить, на месте, чтобы за руку водил. Но и Глафира ничего не говорила, носом беспокойство на кожу доставлять ей. Выжди, дожди у входа, послушай ветер и возвращаешься обратно в чум, к очугу поближе.

Выдаётся как-то перед Новым годом день хороший. Зимовали мы в ледях по раню Гингега и Дингега поближе, там, где много раз до войны стояли. Заметил я, что ветер не меняется уже неделю, дувет ровно и спокойн... Слышу, смех от матери из стада приехал. Его Глафира рано начала с собой возить: нужда заставляла, да и в чуме оставлять не с кем было. Подъехал, кричит:

— Папа! Мама сказала, что придет. Вместе будем Новый год встречать!

— Очень хорошо, — говорю, — сын. А оленей погоди распрягать.

— Почему, папа!

— Да я ам хорей и вожжу, сын. Сядь рядом. Только не подкашивай и смотри, чтобы от чума далеко не уезжал.

Поднял я хорей. Рука дрожит, словно в пропасть прыгнуть собрался. Хлестнул вожжю. Поваля!

Держу хатар на щеке, поглаго оленей.

— Направо островок лесай! — сына спрашиваю. И голоса своего узануть не могу.

— Да! — отвечает, а сам аж поживает от удовольствия.

— Теперь вдоль ручья адема!

— Да.

Повернул обратно к чуму. Лицо горит. Сам правлю!

Вдур сын за руку сказали:

— Папа! На чум наедем!

— Спасибо, сынуля, дорогой!!! Только маме не говори ничего...

Счастье принес мне Новый год. Я уже верил, что буду ездить сам. А Глафира по моему хорошему настроению рада!

— Ты, — говорю, — у меня сегодня как именинник...

Выпили по стопочке, а когда спать легли, она осторожно, намеками сказала, что в животе дитя колотится.

День назад это было бы для меня ударом, а сегодня подарком драгоценного обернулось... Зренье не обрал, а человеком стал себя чувствовать.

Вскоре девочку родилась, Федора, с которой сюда приехал. Потом еще сын. Сегодня у меня и Федора Большая, ситяй, шесть лет, как с войн-ны вернулся. Успел научиться и сам делать и обувь шить. Старость как могу.

Старый сын сейчас в интаре отослал. Два года из-за меня пропустил, десять годов в школу пошел, дождался, пока Федорка с отцом стада ездит.

Петр гулял воздушку.

— Так вот и живу. Езжу. Где по ветру, где наугад, а в основном надеюсь на ребячий глаз да на свою память... Давней выпьем еще по полстопочку и кончим. Дети бы не заметили, что папка навеселе.

...Сначала завалился гурьбой ребятишки — в снегу, озбыше. Которые чуяки, которые хозяйские — не разберешь. Следом за-за меня вошла — перекатилась через порог Федорка. Потом вернулись рыбакан в магазин, запахло соком, мажорой, спиртом. Не успела закрыться дверь за убежавшими детьми, вошла бабка Ильинична.

— Ну, стошкю, — сказала она, — твои ко двору подьезжают.

Петр, неподвижно слушавший, что происходит в комнате, улыбнулся и встал из-за стола.

Он пошел на улицу в рубашке, с непокрытой головой...

Последний раз я взглянул на Петра луной ночью, сам за задних кармаш огромный, уходящий в тундру оленьего обоза. Стучали рога и копыт. Как вчера, резко вздымались черной крест, но сегодня тынь его, не достая земли, терзалась в тучевой сербристой поземке. Это же поземка скрывала ноги Петра, и мне вдруг показалось, что сам он вырастает из лозматого снегового потока...

Мы рассказали о немногих писательских судьбах, так или иначе связанных с Горьким. А ведь десятки, сотни судеб литераторов России сложились так, что их можно было бы поставить рядом. И тогда «эстафета поколений» составила бы не раздел юбилейного горьковского номера «Смены», а многоотный труд...

Впрочем, издание этого многоотника давным-давно начато. Это не что иное, как советская литература. Литература, основоположником которой был Горький.

А наша публикация лишь одна из иллюстраций, свидетельствующих о том, что горьковские традиции в нашей литературе живут и набирают силу.

Материал подготовил А. БОГУЧАРОВ

Фото А. ЛЕССА

**ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА К. А. ФЕДИНА
НА IV ВСЕОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Примечательны следующие два факта. Очень многие печатающиеся молодые авторы, в том числе выпустившие по две, даже три книги, продолжают работать в области своей основной профессии, своего изначального труда, то есть не спешат особенно профессионализироваться как литераторы.

И второй факт. Основные профессии молодых писателей чрезвычайно разнообразны. Это означает необыкновенно широкое распространение интереса к литературе в народе и рост всеобщей культуры. Писатели идут в литературу из среды ученых и колхозников, из инженеров, педагогов и военных.

Вот, например, очень показательный факт, свидетельствующий об этом. Издательство города Кирова выпустило на встречу нашему совещанию не-

большую книгу, подготовленную газетой «Комсомолец Кавказа». Она называется «Молодость», и в ней опубликованы стихи начинающих поэтов, объединенных газетой, печатанной в провинциальном городе.

Кто эти поэты? Я называю их по профессиям, к которым они принадлежат, в которых практически продолжают трудиться, а то же время с большим подъемом и страстью увлекаются искусством стиха. Вот эти поэты: лесоруб, студент, библиотекарь, рабочий, инженер, курсант, юрист.

Книжка любовно выпущена, и она доступна каждому делегату, так как действительно прислано нам достаточно количество экземпляров. Во многих местах могли бы подражать этому хорошему примеру города Кирова и попытаться издать также же книжки. Получилось ведь очень интересно!

Эти впечатленные слова, сказанные старейшей советской литературой Константином Александровичем Фединым в 1963 году на Всесоюзном совещании молодых писателей, стали как бы путевкой в творчество для литературного клуба «Молодость» в городе Кирове.

Да, молодые литераторы не спешат профессионализироваться. По-прежнему учительствует Маргарита Чебышева, рабочий Тамара Маракулина стала студентом, инженер Тамара Николаева — журналисткой. Вместе с летящей олимпиадой приходят к молодым поэтам новые темы, новые стихи.

Теперь они, бывшие жалкими «общедилителями» — первого своего коллективного сборника, который привезла К. А. Федина, — авторы своих самостоятельных книжек.

Литературная судьба Т. Николаевой, М. Чебышевой, П. Маракулина типична для многих и многих участников литературных объединений и клубов, которых в стране сейчас десятки, что уж непременно многие сотни. Люди разных профессий, объединенные любовью к литературе и творчеству, после работы собираются вместе, чтобы обсудить свои стихи, поэму...

И так повсюду. Литература, творчество и молодость — понятия неразлучные.

«ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ И ЖИЗНЬ УЧУСЬ...»

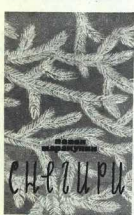

Маргарита ЧЕБЫШЕВА

Ослабает моя рука,
Строчки косо ползут по доске.
И звенит в ушах тишина.
Как натянутая струна.
Ветер в оина шмыгает кордону.
Пыль в скрип — как по сердцу юнок.
Бессонно длится урок...
Ты б обидеть меня не смог,
Если б знал, как десятка глаз
Смотрят в душу мою сейчас!
Я стою, отстраняюсь и доиса.
Ослабает моя в руке...

Обида для меня — удар бича.
Я вижу, как всплывает шар багровый
На крупе лошади, удеренной сплеча...
Ты дуванши, нельзя удерить словом
Вот так, чтобы сочился кровью след!
Не день, не два, а много-много лет!
Как свист бича обидя для меня...
Покорней всегда и всоуду быль,
Но опусты-ка бич на крут коня,
Которого с рождения не били!

Павел МАРАКУЛИН

Ослабела, погасла земляника;
гудит по ветру провод, как оса;
речная гладь, блестящая, как никель,
копотиным светом плавится в глаза.
Беру с земли,
Беру и мшу в ладони
упругую ораванность листа.
Над головами, в тумане небоскоча,
замарукут крылья белых стая.
Теперь бы с плеч брызговую рубу
и где-нибудь под легкой шепот воды,
заряд тикелой дробы
вплотить в ружейный вороненый
ствол!

Но кончат перекрут,
и снова ронет
мотолобедок,
и снова стук салог.
Зима в пути, зима окимает срюки,
в стройные южки, срюки нужен ток.
И снова дым, соловей от пота,
вздыхаема, туман, продинаясь вдаль.
Нас породнила с высотой работа,
у нас в руках вост тугой металл.
И снова в грунт врзлетают моторы,
и под ногами хлопвет вода,
и высоко в зенит встанот опоры,
и над землей лютот провода.

Учусь

Учусь стрелять выскочку, влет,
Любой тропой шагать упремо
И дух лесов, грибной и янвщй,
Цепить учусь из года в год.
Время буди, моя рука,
Слова — прямой, походка — легчай!
Люблю подолгу в тихий вечер
Вымалть рассказам лесника.

Часами сижива туманный дождь
Смотрю на впадины расщепы,
Лоплю предзимние приметы
Снеговизн, как сеть, белитских рощ.
Как много мыслив, тайн и чудств
Заключено в минуте густоты,
Учусь быть зорким и отважным,
Любить людей и жизнь учусь.

Ты меня не кори,
Что любовь моя севером дышит,
Что романа и спокония.
Я пишу — и впадаю в страве еска ле
тысящи, что уж непременно многие сотни. Люди
разных профессий, объединенные любовью
к литературе и творчеству, после работы
собираются вместе, чтобы обсудить свои стихи,
поэму...
И так повсюду. Литература, творчество и мо-
лодость — понятия неразлучные.

Первопоселенцы

«О господи, как любо-то окрасит!
Вот тут и место, новгородцы-двурня.
В дугу сгибася, вспения вуду шест,
И в берег лодин ступившися упрго.
Пачесть и лодку этот бач народу:
поснилася обува, сизынася саюм;
волна русовоснася бород
обатрвенные лица обрыллал.
Они сошши, в воленье затая
мечту и мисль свою о доле лучшей.
Как сказочные рогащот острима,
ствоями лисы над высокой кручей.
Так вот он, край, что от Сухони вивнз,
богачий зверел, аесь в речных
визуках,
где промшмилает вольный черемис
с кончаном стрел березовых и луком.
Вот будущая вятская земля.
Пройдут века, как шумные аккорды,
и под крылом седого журавля
заблещет город весело и гордо.
Но далеко еще до той поры...
Голубоглазу чурася, хорит
древность,
и широко сверкают топоры,
и вздрагивают сонные деревья.

ДОЖДЬ СОЛНЦЕ

ТАМАРА
НИКОЛАЕВА

Тамара НИКОЛАЕВА

Я славно красный цвет

Я славно красный цвет —
Рассвета цвет,
Цвет губ девочек,
Цвет осенней розы,
Цвет щек ребенка в день
морозный.
Я славно цвет зеленый —
Цвет весны,
И июлтай —
Поспевающего хлеба,
И голубой —
Морской волны
И неба,
И черной —
Всплазнувшей весенней целины!

Но будет пролетит черной чад
попаров,
Битов провалов красная
комары!
Да не погубит чистоту весны
Разрывы всех моих видов и
сорта!
Я прокляну
Самь цветов
Войны!
Я прославляю
Мира
Самь цветов!

• • •

Здравствуйте, звезды!
Здравствуйте!
Что это вы так сияете!
Мин победу празднуете,
Мин гостей ожидаете!
Здравствуйте, звезды далекие!
Будут к вам гости скоро.
Будет, по-воински окая,
Плыть в тумане просторов
Наша звезда, долгая
Песня,
В разлуку утеха,
Та, что звенит над Волгою:
«Всё-то я вселенную
прозвала...»

Слушайте, звезды,
Плаваю,
Ненужно песню сильных
И передайте правникам —
Пели, мол, о России.
Есть, мол, в бескрайней
дальности

Солнечные крас...
Здравствуйте, звезды!
Здравствуйте!
Вот вам рука моя!

МАСТЕРА ЛИТЕРАТУРЫ О ГОРЬКОМ

● Константин ФЕДИН:

Горький всегда был учителем молодого поколения советских писателей. Учителем терпеливым, взыскательным, бережливым. Но учителем Горького никогда не сводилось к мастеру за языковыми неправильностями, допускаяемыми молодыми литераторами, за стилистикой, гармонией и прочей литературной грамотой... Он учил нас веру в дело литературы.

Я всегда расставался с Горьким в необыкновенном подъеме. Все мои силы сосредоточивались на устремлении к литературе. Но это не было итогом наших разговоров о литературной технологии, мастерства. Это всегда являлось результатом основной цели нашей встречи: разнообразных интересов, подожженных Горьким.

● Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ:

Во времена моей студенческой юности слышала ко мне судьба распорядилась так, что я попала в семью Алексея Максимовича Горького в качестве посетителя. Было это накануне Октябрьской революции. Горький тогда жил в Петрограде.

Ежедневно с самого утра до позднего вечера двери квартиры Алексея Максимовича не закрывались. К нему приходили молодые писатели, журналисты, художники. И для каждого из них у Горького находились самые нужные слова.

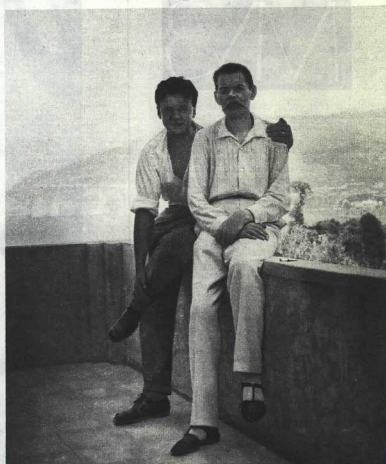
Горький никогда не отмахивался от человека. Бывали дни, когда на его рабочем столе скапливались до десятка рукописей начинающих литераторов и Алексею Максимовичу приходилось до глубокой ночи записывать над ними. Горький внимательно читывался в труппы тех, кто шел в литературу в это горячее время. К каждому рассказу, каждой стихотворной строке — с тем же чувством прислушивались поэмы — он относился как к своему собственному произведению и никогда не удовлетворялся ответными словами. Он призывал молодых писать правду, требовал от них искренности, достоверности.

Мне часто приходилось видеть такие сценки: Алексей Максимович прохаживается около своего рабочего стола, а рядом в кресле сидит молодой литератор и торжолливо записывает каждое горьковское слово. Горький всегда интуитивно на том, что писателю необходимо иметь хорошую память, быть наблюдательным, а главное, любить человека.

Многие молодые советские писатели при первых шагах опирались на надежное горьковское плечо, чувственно поддерживая этого сильного и мудро человека и благодаря этому уверенно шли в жизнь.

Какую роль в нашей литературной судьбе сыграл Алексей Максимович Горький? С этим вопросом редакция «Смены» обратилась к ряду видных советских писателей — и тем, кто лично знал Горького, кто на протяжении многих лет поддерживал с ним переписку, кто для и даже учащая у него литературному мастерству.

Публикацию подготовил Виталий ЗАСЕВ.

В 1927 году молодой Леонид Леонов побывал в гостях у Алексея Максимовича Горького на Капри в Италии. На этом снимке, сделанном сыном Горького — Максимом, запечатлена встреча двух писателей.

● Леонид ЛЕОНОВ:

Удивительным умением владеть словом обладал Максим Горький. Кем бы ты ни был — молодым литератором или ученым, врачом или просто студентом, ты никогда не ощущал разницы в возрасте с ним, был до конца захвачен беседой и ослепало уходило от него бегство и решительная, как рыцаря. Потому что уносил с собой чистую его обержимости и веры в добро. А уже говорил, Горький и шел

необыкновенный дар уметь сорвать качества зерна, которое хоть на это оказалось в его лапони. И это волшебное свойство его наиболее благоприятно сказывалось на молодой советской литературе. Все мы, без преувеличения, выросли на свет из широкого горьковского рукава. Это он в первых наших шагах внушил нам понятие величайшей ответственности перед великим, народом и своим делом.

● Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ:

Горького называют отцом национальных советских литератур. Это и понятно: ведь он был востанком, учителем молодых писателей: таджикских и украинских, грузинских и узбекских, баларусских и киргизских и многих, многих национальностей, живущих в единой семье Страны Советов. Переводы и чтения Горького, национальные писатели обогащали своей литературной силой, учились образному мышлению, постигали тайны величия. Год от года Горький все больше и больше утверждался как воспитатель молодого национального литературного мастерства.

Одним из первых на таджикский язык были переведены горьковские героико-романтические произведения: «Песня о Соколе» и «Песня о буревостнике». Они помогали нашим писателям как бы вновь открыть в поэзии тайники народной души.

Не каждому писателю посчастливилось встретиться с Горьким. Но могу смело сказать: каждый извистия на себе вынес его талант. Но кинутым Горького мыслят из нас учила русский язык, училась жить и работать. Выдающийся прозаик таджикского Абиб Исмаилов: «Я научился у Горького очень многому. Каждая написанная им фраза, дошедшая до меня, служила мне великим уроком». И я уверен: под этим вымысленным мог бы бы поставить свое имя вся советская писательская — представительницами многонациональной советской литературы.

В 1921 году, когда только еще складывались основы советской культуры, когда воплощались в жизнь первые начинания Горького, Блок говорил:

«Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть специалистом. Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более — прозаик о поэте и поэт о прозаике. Бесчисленные примеры благодетельно для культуры общения (вообще не непременно личного) у нас можно: самые известные — Пушкин и Гоголь, Пушкин и Чайковский, Лермонтов и Рубинштейн, Гоголь и Неклюдов, Толстой и Фет».

Блок говорил о том, как «неразлучными в России живопись, музыка, проза, поэзия», связанные с философией, с общественной жизнью. «Вместе они, — верил Блок, — и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры».

С именем Горького мы связываем имена Шалапина, Станиславского. С именем Маяковского — имена Мейерхола, Шостаковича.

Слова так много говорят звуку, звук — цвету, музыка — камню, и все искусства говорят на одном языке — Человеческом, говорят об одном — о Человеке, говорят только ему — Человеку. И всегда — в защиту Человека!

Горький напоминал: «Наша литература — наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней — вся наша философия, в ней запечатлены великие законы духа; в этом диаволе, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников...»

В этом храме устали всех муз — в слове, в музыке, в камне, в жесте, в цвете — слышались то, что Горький назвал: «княжеское писание о человеке» — искусство.

Вечно, поколение за поколением, художники продолжают этот труд. Новые, часто еще очень молодые прозаики и поэты дерзают сказать свое слово в литературе. Слово это почуде находит отклик и в музыке, и в кино, и в театре, и в живописи. Один источник у разных муз: жизнь нашего народа.

«Реквием» композитора Дмитрия Кабалевского и поэта Роберта Гросдеветского славят павших героев. Кинорежиссер Юрий Шамров недавно завершил фильм по роману молодого прозаика Владислава Михайлина «Прямая линия». В Ивановском народном театре идет спектакль «Парабола», поставленный молодым режиссером Резиной Гринберг по мотивам поэзии Айрыя Волкенского. Образы, созданные прозаиком Василием Беловым, вошли в графическую работу художника Евгения Капустина.

И они и многие другие выполняют горьковский завет: союз муз — во имя Человека!

«ПАРАБОЛА»

— Андрей Вознесенский — поэт, который остро чувствует пульс, нерв, ритмы эпохи, а значит, нас, своих современников. Но у меня к его стилям не только читательское отношение. Как режиссер, я воспринимаю каждое его стихотворение словно маленькую драму, написанную по всем законам сцены. Поэтому мне интересно его ставить, и, как я убедилась, зрителям интересно его смотреть. Спектакль «Парабола» идет у нас с мая 1965 года; мы показали его почти пятнадцать раз, но за это время ни разу не было у нас и двух абсолютно похожих спектаклей. Наш коллектив внимательно следит за творчеством поэта, мы выходим то новое, что появляется у него в печати, и несем зрителям.

Вот почему наша «Парабола» выросла в трагедию. От нее «откопывались» «Оаз» и «Лирическое наступление». В разных городах страны измечаются своеобразные театры поэзии. По-моему, Андрей Вознесенский в «драматургическом» долгу перед ними. Мы ждем от него не традиционной пьесы в стихах, а законченного цикла произведений, написанных, естественно, с учетом специфики театра.

Регина ГРИНБЕРГ

Регина Гринберг.

«Монолог Мерлин Монро» читает Светлана Трохина.

СОЮЗ
МУЗ

«ЗА ТРЕМЯ ВОЛОКАМИ»

Евгений Капустин.

— Много и с удовольствием работало в мои студенческие годы молодое прозаика Василия Белова, хотя познакомился с ним сравнительно недавно. Я оформил его книгу, выходящую в издательстве «Советский писатель», — «За тремя волоками». Есть в этой книге повесть «Прямичье дело», которая до глубины души взволновала меня своей внешней простотой, неизлечимостью и вместе с тем большим, серьезным проникновением в народную жизнь. Каждая деталь в повести достоверна. Герои Белова — люди с виду заурядные, но необыкновенно привлекательные своей внутренней душевной красотой. Писатель здорово владеет русским словом. Я давно ничего подобного не встречал в литературе. Вот почему, даже когда закончена и принята моя работа над книгой Василия Белова, я не могу расстаться с его героями: теперь «сишу» их «для себя», потому что продолжаю думать о них, со временем они становятся мне все ближе и дороже.

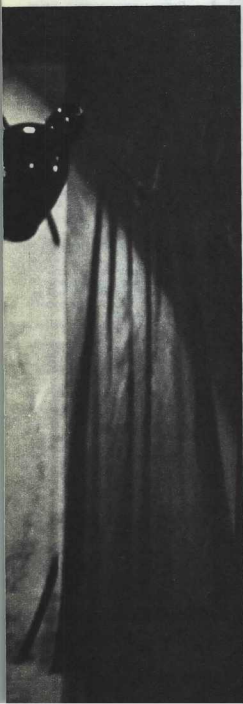
Евгений КАПУСТИН

Обложка новой книги Василия Белова «За тремя волоками».

Этап из кинофильма «Прямичье дело». Главную роль — молодого человека Владимира Белова — исполняет артист Родион Нахапетов.

Рабочий момент. Слева направо: Владимир Велос (артист Р. Нахлестов), начальник лаборатории Георгий Борисович (артист Николай Тимофеев) и Костя Князевгородский (артист Сергей Гололобов).

ПРЯМАЯ ЛИНИЯ

— Роман Владимира Маканина я прочитал еще до его появления в журнале «Москва». Мне привнесли пухлую рукопись — первое произведение молодого прозаика. Прочитал я сразу, залпом, роман мне понравился — я считаю его одним из лучших произведений советской литературы за последние годы. В нем мужественно и четко поставлена проблема ответственности каждого человека за то, что он делает. И хотя я сразу понял, как трудно переложить на кинематографический язык это произведение, написанное от первого лица, с подробными авторскими рассуждениями, роман по-настоящему водохлестнул меня, и мы с Владимиром Маканиным засели за сценарий. Главное, что võimalovo меня в дни создания нашего фильма, — справлюсь я с ним или нет, потому что очень хотелось справиться, хотелось донести до зрителя основные мысли «Прямой линии», познакомить с героями.

Юрий ШВЫРЕВ

Юрий ШВЫРЕВ

Исполняется «Реквием»

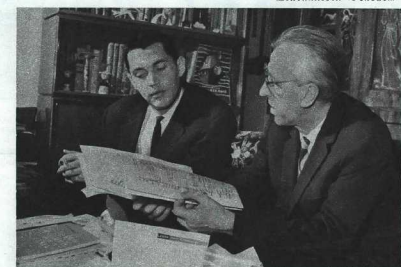

«РЕКВИЕМ»

— Семь лет тому назад мы познакомились с Робертом Рождественским. Спустился два года в исполнении солистов, хоров и симфонического оркестра в Большом зале Московской консерватории прозвучала наш «Реквием».

С большим волнением вспоминаю я ту пору, когда, увлеченно и радостно, с полуслова понимая друг друга, мы трудились над этим произведением. Замыслил «Реквием» зрелое мне и не давал мне покоя с первых же послевоенных лет. Мне удавалось увлечь им Рождественского — поэта, чье творчество и до того было мне близко и дорого. А когда Рождественский написал свою поэму, настала его очередь увлечь меня силой своих стихов, глубиной воплощенных в поэме мыслей и чувств.

Так появилось наше первое совместно написанное произведение. «Реквием» посвящен тем, кто погиб в борьбе с фашизмом. Он написан от тех, кто уже не придет никогда... Это как наш отчет перед собствен-

Дмитрий Кабалевский и Роберт Рождественский

ной совестью, перед теми, чья гибель стала ценой нашей жизни...

А теперь новый замысел. Зреет он уже несколько лет. Это написанная Рождественским после «Реквиема» новая поэма — «Письмо в ХХХ век». Поэма написана, напечатана и получила уже широкую известность. А вот я сочинил пока лишь несколько страничек музыки. Но эту новую поэму-ораторию я напишу обязательно — это ясно.

«Письмо» в моем представлении теснейшим образом связано с «Реквиемом». Это как вторая сторона на-

шей жизни, наших нынешних дней. «Реквием» обращен к тем, кто уже никогда не придет. «Письмо» — к тем, кто еще не пришел, кто придет только через века. И это тоже как отчет перед нашей совестью, отчет перед теми, к которым мы имеем право свободной обратиться с такими словами: «Мы — камни в фундаменте ваших платонов...»

Я благодарен поэту за все то, что его поэзия дала мне, моему творчеству, моей жизни...

ДИМИТРИЙ КАБАЛЕВСКИЙ

Юрий ТЕЯХ

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ СЦЕНА...

Я, Теях Юрий Георгиевич, родился в 1933 году в семье коренных ленинградцев, комедийных актеров... Так начинается автобиография, заканчивающаяся традиционным «нет, так было, как привалексался, мне достался». Моя биография не является исключением из правила. Актерское происхождение привело меня сначала в цех литейно-металлического завода, где я работал токарем, а позже — на сцену Театра юного зрителя, где я перешел восточнее... Сейчас артист Ленинградской филармонии, студент-заочник московского ГИТИСа.

ПОБАСЕНКИ

Звук и тишина

Однажды Звук заметил Тиннине: — Принадлежишь всецело только мне! всю жизнь меня ты будешь только слушать. В любой момент могу тебя разрушить! И скромно промолчала Тиннина, Поскольку знала: если б не она! Собой заполняла все вокруг, Не смог бы и родиться Звук.

Мечта

— Я выльюсь в люди поздно или рано! — Скринит пружина в глубине дивана.

Со своих позиций

Случилось Тазу море уходить. И он так вынес впечатленье: — Ну, что ж, в нем тоже можно пострадать. Но несколько труднее с кипельчею...

Характеристика

В характеристике представлен в лучшем виде: «Он не плетет кутерьму; он мутит не обидает. Работает всю жизнь не покладая рук!» Прекрасный отзыв, а принес его... Певцу.

ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА УЖЕ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С РАБОДОМ МОЛОДЫХ ЮМОРИСТОВ — ХУДОЖНИКОВ И ПРОЗАИКОВ, НАЧИНАЮЩИХ СВОЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ. НА ЭТОТ РАЗ МЫ ЖЕЛАЕМ «ПОПУТНОГО ВЕТРА» АЛЕНГГРАДАМ РЕГИНЕ МАЙНОВИ, ЮРИЮ ТЕХУ И ЯРОСЛАВУ ГЕБЕРТУ КЕМОКЛИДЗЕ...

Регина ИЛЬИНА

О СЕБЕ В ДВУХ СЛОВАХ

Мне двадцать семь лет. В 1963 году защитила диплом инженера связи в Институте инженеров железнодорожного транспорта. Сейчас работаю по специальности в бортовой лаборатории, совмещаю любимую работу с любимым занятием — пишу юмористические рассказы.

Предлагаемый рассказ — одна из моих первых попыток проникнуть в мужскую психологию.

ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР

со своим приятелем Вадалькой отправился на собачью выставку. День был солнечный, настроение великолепное.

— Ты только взгляни, — толкнула меня в бок Вадалька, — какая девушка.

Я оглянулся и обомлел. Высокая, стройная девушка с огромными карими глазами с интересом разглядывала вынужденного вида барбоса.

— Удивен, но познакомился — объяснил Вадалька. Напустил мои темные очки. Вадалька стала кружить вокруг девушки, как опытный детектив.

— Порядок, — сказала ей, подойдя ко мне через несколько минут. — Я узнаю, что она живет на Комсомольской и имеет привычку доберманов. Это очень редкая порода собак. Теперь ты можешь познаться! Соображаешь?

Так как от жары и соображал плохо, Вадалька мне все рассказывала. Его план был гениально прост. Мы ведем на ее Комсомольской объявля-

ние о срочной продаже добермана и сидим у меня дома.

— Она сама прибежит к нам как именная, — уверенно заявила мой приятель.

А ты же достал добермана?

— В этом все соль, — ответила Вадалька. — Доберманом будет один из нас! Показывать его мне не будет. Собака, то есть ты нам и, будет сидеть в клетке. А уже завтра по телефону можно запросто научиться в два-три дня!

Но ты ни минуты, мы бросил жребий.

— Такое уж мое собачье счастье, — сказала Вадалька, вытаскивая бумажку со словом «добрман».

Чтобы Вадалька мог гавкать достаточно правдиво, я одолжил у знакомых на один вечер авионикку. Она гавкала так, что была авиониккой. Действительно было чему поучиться! Мой друг оказался способным — через некоторое время я уже не мог отличить, кто скалит и речит пес, а кто Вадалька. Можно было вывешивать объявление о продаже пса.

С утра началось столпотворение: ко мне беспрерывно звонили, стучали и кричали желающие получить молодого добермана. Мы оба охрипли, то я дело говорю: «Уже продано!»

В ответ на это Щербаков хихикнул, а начальник горько вздохнул.

— Думаешь, я не справлюсь? — обижено спросил я.

— Справиться справишься, — грустно сказал начальник цеха, — но в цехе вам сейчас делать нечего. Все равно первый год у вас цехиком уйдет на общественную работу.

— Я буду совмещать, — убедительно сказал я.

— Не выйдет, — уверяла меня начальник цеха. — Времена не хвалят. Вот в следующем году приплывет нового молодого специалиста, тогда займется работой. А теперь, Щербаков, сдавай мне свои общественные дела. Тебе уже целый год производство ждал.

Щербаков, весь сияя, протянул мне свой огромный портфель.

— Но меня ведь еще никому не избирали, — возразил я.

— Ничего, выберут, — успокоил меня Щербаков, — кого же еще избирали?

Втроем мы с трудом раскрывли портфель, и Щербаков вытаскил из него папку.

— Вот тебе утвержденный план работы на ближайший месяц. Пункт первый. Организуешь воскресник по подметанию территории. Разбейся в лепешку, а сделай.

— Так на заводе ведь есть подметальные машины, — заметил я.

— Машинки машинками, а нужна массовость, — пояснил Щербаков. — Пункт второй. Организуешь агитацию за подписку на местную газету «Луч». Разбейся в лепешку, а сделай.

— А что там агитировать? — не понял я. — Если газета хорошая, и так будет подписываться, а если плохая — пусть сначала улачитесь.

— Не спорь, это не Щербаков придумал, — сказал начальник цеха.

— Далее — продавай Щербаков — организуешь обсуждение книги Петрова «Юные в кирпичном производстве».

— Но зачем нам кирпичное производство? Мы металлургия.

Ее мы заметили из окна, когда она шла по улице. Вадалька мгновенно забрался в ванную, а я приоткрыл дверь, изобразил добрейшего-собакава. Рассказав дверь перед собой лезенкомой, я отключил звонок и сразу же повис на дверь заранее заготовленной табличку: «Доберман прода!».

— Заресуйте, — сказала я гостю и поклонилась. — Аркадий.

Забравшись, — сказала она. — Меня зовут Тоня. Я к вам по объявлению. Можно посмотреть добермана? — Она оламывалась по сторонам.

— Понимаете ли, — замесила я. — Я его запер в ванной. Он очень злой и сразу бросается на незнакомых.

Я подтверждением моих слов Вадалька грозно зарычал и стал противостоить посетителю по двери ванной. Тоня прислушалась, потом вытиснула из сумочки большой сверток.

— Вы разрешите, я его отпущу краковской колбасой!

— Нет-нет! — вскричала я. — Лучше я сам. — Взяв у нее колбасу, я приоткрыл дверь и вышвырнул колбасу в ванную. Учителька перешла в тихое, добродушное повествование. Вадалька и я, его запер в ванной. Реченье вылетало в прямом удовольствии улетела колбасу.

— Скажите, пожалуйста, вы еще не смотрели этот последний фильм? — начала я предусмотрительный начин программой самонный разговор.

Вадку из ванной посыпалась плеск воды — Вадалька зачем-то стала мыться.

— Что это? — удивленно подняла брови Тоня.

— Понимаете ли... Он дрессированный... По-видимому, может.

— Понимал, — сказала Тоня и мило улыбнулась. Она подошла к ванной и решительно открыла дверь.

И я ужасе бросился к двери. Домой я вернулся только к вечеру. В моем портмоне аптеке лежала комоч бумаги, в которую раньше была завернута колбаска. «Аркадий, все в порядке. Меня повели гулять!» — было торжественно написано по черкам добермана.

— На кирпичном заводе уже обступили, а с ними соревнуемся. Разбейся в лепешку, а сделай. Далее. По линии ДОСЛАФ. Организуешь после работы массовый кросс на двадцать километров. Разбейся в лепешку, а сделай.

— Но кто же победит после работы на таком расстоянии? Нужно в воскресенье.

— Воскресенье занято другими мероприятиями, — сказала Щербаков, протянула мне список. — Остальные пункты прочти сам. И разбейся в лепешку, а сделай.

— А можно мне еще в дополнение организовать парашютный кружок?

— Импринтация? Это хорошо, — встретил меня Щербаков и начал читать чек. — Но только разбейся в лепешку, а сделай.

— Я сначала сделаю, а потом разбьюсь в лепешку, — мрачно сказал я.

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С РЕДАКЦИЕЙ

...Работая научным сотрудником в НИИ. Рассматривая какую-нибудь технологическую схему, иногда вижу ловко на том, что передо мной любознательный сюжет юмористического рассказа, в финале которого уже валят белым дым — верный признак окончания производственного процесса... Несмотря на такие недостатки, не собираюсь расставаться со своей основной профессией. Печататься начала совсем недавно.

ВСТРЕЧА

евальчик цеха говорил в трубку, но спускал с меня радостных глаз:

— Щербаков! — Бети скорее сюда! Скорее! Необыкновенный! К нам прибыл молодой специалист!

Я стоял в кабинете и идеал от смущения и гордости.

Через секунду вбежал зыблехавшийся, счастливые Щербаков. При виде меня он пришел в такой восторг, что чуть не потерял сознание.

— Вы наш спаситель! — я меня и Щербакова, — сказал начальник цеха. — Нам позарез нужны смежные мастера.

— Ну, тогда давайте прямо пойдём в цех, — решительно провозгласил я, захватывая рукава.

Щербаков и начальник цеха переглянулись, потом дуэтом спросили:

— А зачем?

— Как зачем? — удивился я. — Для ознакомления с работой.

Я, как сейчас, вижу длинную, высокую фигуру отца Юры, с борознистым лицом, в известных пятнадцати сединах, и рядом огненный по пояс Юра, обремененный браслами известости, с надвинутой и длинной щеткой за плечом. Озаренный зажиточным солнцем, прекрасной, как юный Геронд, улыбкой со старыми отцом, он возвращается с работы.

Потом он встает, ужимает и выходит на улицу, все такой же огненный по пояс.
И вот вы гурьбой сидите на теплом от летнего дня крыльце, и Юра рассказывает что-нибудь о поэзии, о поэмах, о которых он с отцом работал сегодня. Юра его рассказывает невольно, но похвально слегка побдиело от усталости, и я всем существом чувствую то удовольствие от неподдающихся, которое испытывает он сам и мажорно мускула.

Если они с отцом работали у шедрого, хорошего хозяина, который умеет хорошо помирить своих работников, Юра долго рассказывает, как он был, да он ел в этом доме, и как много он лично съел, и как они с отцом старались работать лучше, чтобы угодить такому человеку.

Летом Юра часто бывал в деревне у своих родственников — шабельниковских братьев. При этом рассказывал, как там они живут, что едят и в каком количестве.

Треугольный мешок принес из Цебелды за шесть часов», — говорит он как-то. Это обычная спортивная новость.

Неумная пешинка из Цебелды? — раздается удивленный голос. В таких случаях всегда кто-нибудь унывает за всех.

Конечно, — говорит Юра и добавляет: — По дороге, правда, съел буланы хлеба и много масла — спрашивает выразителя общего удивления.

Это деревенское, греческое масло, — поясняет Юра — его можно без труда топить изюмом.

Но не только физическая мощь, но и, как бы я теперь сказал, спортивная интуиция в нем была необыкновенно развита и проявлялась самыми неожиданными образом.

Я не хочу пересказывать все известные случаи, когда он впервые сел на двухколесный велосипед, его толкнули, он несколько раз повалился рулем и поехал.

То же самое однажды случилось на море. Помню Юра почти не плавал. При всей его немалой охоте, мне кажется, он не доверял воде. То есть он держался за море, мог сделать несколько деревенских саженей, но тут же поворачивал назад, надуваясь ногами дно и выходя на берег. То и дело в том, что он вставал рос в горной деревне, а не на море, то и, подобно своему деревенскому сорочку, он ничего не мог без точки опоры. Было, его никак не загоняли в глубину, проплывал пять-шесть метров — и на берег.

Как человек, уме тогда силовый и простые формы близнества, я мог часами не выходить из воды, я мнил, конечно, оговорочно его срезающее отношение к морю. Однако и его с большим трудом уговаривал пойти со мной на водную станцию. Мы разделили и вышли на помост перед пятидесятиметровой деревней. Среди шестидесяти метров почти голых спортивных пловцов станицы он, в данных, до июля, трусах выглядел странно и неуверенно.

Он попытался было сваять с помоста, но в востан уговорил его спрыгнуть. Мы решили плыть рядом, с тем чтобы в один из случаев его движение, причинив свободно держаться на глубине, и в конце концов научил плавать близнеца и одному из культурных стием.

Юра прыгнул в воду, разумеется, ногами. Никогда не забуду выражения растерянности и восте с тем готовностью к сопротивлению, которое было написано у него на лице, когда он выскочил на поверхность воды. С таким выражением, вероятно, Бегия, проснувшись среди ночи, вскакивает с постели и, озираясь, хватается за оружие.

Впрочем, убедившись, что его никто не тащит на дно, он поплыл и противоложному помосту. Он плыл своими суровыми саженцами, после каждого гребка поворачивая голову назад, чтобы увидеть свой тыл.

Подождав несколько секунд, я прыгнул за ним. Надо было ему сказать, чтобы он не вертел головой.

Я решил с прыжка, не поднимая головы, плыть кривым, так сказать, достать его одним движением.

И вот я поднял голову над водой, поворачивая вторую доронку рядом, но Юра там не оказалось. Он был впереди. Расстояние между нами почти не уменьшилось. Он продолжал вертеть голову и плыть вперед.

Наша вода сия отталкиваясь ногами, я поплыл за ним брассом. Как я ни старался, расстояние между нами не уменьшалось. Я ничего не мог поинты. Голова его проворачивала вертеться при каждом взмахе руки, и он плыл, сурово озираясь то через правое, то через левое плечо.

Когда я к нему подплыл, он уныл отдался, вернее, дождавшись меня, дернулся за решетку помоста.

— Ну, как я плыл? — спросил он.
Я внимательно посмотрел в его серые глаза, но никаких намеков не заметил.

— Хорошо, только не крути головой, — сказал я ему, стараясь не выдавать своего тупогово движения, и толка ухватился за решетку помоста.

В ответ он помыл немного шев и только поплыл обратно. Я внимательно смотрел вслед. То, что он плыл, шевом поворачивая голову, то впереди, то вправо, сличном приблизительно выходящая руки, сдерживая голову подвинутой работу его руки и ног.

Он плыл, как сильное животное, в чуждой, но хорошей окружающей среде. Прямая шея и непринужденный затылок гордо высовывались над водой. Я понял, что мне его никогда не догнать ни на суше ни на море.

Я думаю, что силовность и простые формы близнества помогла мне одолеть приступ малодушной известности. В конце концов, решил я, его победа на море только еще раз доказывает, что я правильно выбрал себе предмет обаяния.

халась толпа народу. Многие искали билеты, заглядывали в карман, стараясь угадать переучивку.

Но до чего же было уютно стоять в толпе перед сценой в предвкушении просмотра любимого спектакля. Но почему-то выходя из зала, я не ощущал радости. Неужели я не знаю, что творится за кулисами театра? Неужели я не знаю, что творится за кулисами театра? Неужели я не знаю, что творится за кулисами театра?

— Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала.

— Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала.

— Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала.

— Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала.

— Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала. — Нет билетки? — спросил Юра, выходя из зала.

вырвать из него еще какое-нибудь оскорбление, но мальчик не дал ему этого права. Он вынул из кармана целый блокнот, и начал читать вслух. Это были стихи, которые он написал в это утро.

И вдруг откуда ни возьмись с полдюжины греческих мальчиков окружило нас, и все они зашумели в один голос.

— Не страшно, гречки... — доносились из выходов знакомые слова. Видно, ребята эти хорошо знали Юру и этого мальчика, и Юра по ним-то привычно считался с ними. А мальчик этот, на вид явного русский, догадываясь, слово от страха, тоже зашептал по-гречески, что даме Юра растерялся. Видно, мальчик был с этими ребятами в одной компании.

Теперь они говорили, то возмущая, то понимая голос, переходя с русского на греческий и наоборот. Юра удерживал их мальчик, хотя не выказывало прямо сплунутого, но спросил у него, за сколько он им сейчас выкупит блокнот.

— Не говори я так, неправда, — смело и уверенно мальчик в окружении своих греческих друзей ответил Юре. — Не говори я так, неправда, — смело и уверенно мальчик в окружении своих греческих друзей ответил Юре.

Спросите у него, если не верите, — сказал Юра и обернулся ко мне. Я давно этого ожидал. Я его ненавидел в эту минуту. Я готов был топтать его преграду ливью рожу, но он был мой друг, и по какой-то причине я не мог этого сделать.

Все оборнувшись на мене, уверенные, что я стану на сторону Юры, уже потому, что он меня назвал. Юра удерживал его мальчик, хотя не выказывало прямо сплунутого, но спросил у него, за сколько он им сейчас выкупит блокнот.

— Не говори я так, неправда, — смело и уверенно мальчик в окружении своих греческих друзей ответил Юре.

По дороге домой и пытаюсь еще что-то обмыслить, но ничего не получается.

Не будем разводить ли-ля-лю-конферансы, — сказал мне, выходя из дома, мой друг Юра, выходя из дома.

Это было началом конца наших друзей. Мы не ссорились. Мы просто потеряли общую вещь. Постепенно мы поняли общее детство и вхолили в разную жизнь, потому что юность — это начало специализации души. Да и внешне по не зависящим от нас обстоятельствам мы потеряли друг друга.

И только через много-много лет я его встретил в нашем городе, на вершине гурза одного ресторана «Айра», куда я зашел выпить кофе. Он сидел в компании своих друзей.

Мы еще мзляли друг друга узнали, и он, широко улыбаясь, встал из-за стола. Я присел к нему, и мы с Юрой, как водится, поговорили детство и школьные товарищи. Юра рассказывал мне о своем детстве, а я рассказывал ему о своем.

Он был в форме, но я был в форме. Мы сидели на Саваре. Сейчас он в длительном отпуске, приехал из командировки. Он был в форме, но я был в форме. Мы сидели на Саваре. Сейчас он в длительном отпуске, приехал из командировки.

Он был в форме, но я был в форме. Мы сидели на Саваре. Сейчас он в длительном отпуске, приехал из командировки. Он был в форме, но я был в форме. Мы сидели на Саваре. Сейчас он в длительном отпуске, приехал из командировки.

— Зато я не мой герой, — сказал Юра, понимая причину. — И как не мой? — Мне было стыдно. Я чувствовал, что это признание навлекает на меня какую-то ответственность. Я еще не мог понять, каково.

— А как бы не так? — спросил он, и не дожидаясь моего вопроса, ответил: — Я просто не понимал, что хорошо или плохо мне принятые болтанки... Как в море, — добавил он почему-то, уходящая болта универсальным приложением своего отрыва.

Нет, я искренно не жалел о своих отроческих восторгах его подвига. Просто я почувствовал, что храбрости, как, вероятно, и трусости, имеет более сложную природу, и много из того, что я считал решением и истинным, вероятно, не так уж точно решено.

Мне стало грустно. Когда неудованных мыслей мешали веститься, как во времена студенчества — несладкие зачеты.

Мне захотелось, чтобы мне побыл домой и хотя бы кое-что додумать. Но уйти было невозможно, потому что у меня была оформленная записка. Он поставил на стол бутылку коньяка и искусство нарезания фруктов, который, как только она поставила тарелку на стол, он поставил тарелку на стол. Он поставил тарелку на стол. Он поставил тарелку на стол.

Юра и Я протыкали коньяк. В самом деле, уйти было никак невозможно.

Юра и Я протыкали коньяк. В самом деле, уйти было никак невозможно.

Юра и Я протыкали коньяк. В самом деле, уйти было никак невозможно.

Юра и Я протыкали коньяк. В самом деле, уйти было никак невозможно.

С Е А Т Р А Ж И Ц А

В Ирпене, возле Киева, состоялся семинар молодых украинских писателей, авторов первой книги. Это семинар, организованный Союзом писателей Украины и ЦК АРСМ, обсуждающие книги молодых поэтов Игоря Каланды из Львова, Ивана Калмыбу из Податова, Валерия Гончаренко из Кировограда, Нины Гнатюк из Винницы, Майя Лавренко из Горького и многих других.

Городок Анципачь — один из красивейших уголков Литвы. Каждое лето здесь по инициативе ЦК АРСМ Литвы работает лагерь литовской молодежи республике. Молодые поэты, прозаики, критики, сценаристы, художники собираются здесь, чтобы обсудить наиболее проблемные творческие, прочесть новые стихи, выполнить новые работы художники и кинематографистов, слушать лекции энтузиастов театра — сценарист и режиссер, лауреат премии Ленинского комсомола Витутас Жалкявичус.

«Солнце над цехом», «Утро» — так называется коллективные сборники стихов, авторы которых — молодые рабочие, ученики литературного объединения Бранского машиностроительного завода.

В 1927 году существует это объединение, одно из самых старейших литературных объединений рабочей молодежи.

Комитет комсомола Периского строгального техникума организовал «Театр поэзии». Первый спектакль, «Перекиньки», сочиненный по стихам поэта, лауреата премии Ленинского комсомола, стал своеобразным памятником молодым поколениям, победившему фашизм.

В планах «Театра поэзии» — спектакли, построенные на поэтическом наследии А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина.

Необычная книга вышла в Новосибирске у молодого поэта Александра Кухно. В первом ее разделе опубликованы его новые стихи, а вторая часть называется «Приглашение к чтению».

юз свободной немецкой молодежи, на русском языке прозвучали впервые.

Литература премия комсомола Узбекистана за 1967 год присуждена поэту Эрkinу Вохидову за два сборника стихов и поэму «Аджан, исподневный в паутине».

Премия имени Ленинского комсомола Киргизии присуждена видному поэту Алыку Осмонову (посмертно) за избранные сочинения в двух томах.

Премия имени Г. Салма Башкирской области ВАКСМ присуждена поэту Акперу Биченгаеву за повесть «Сколько лет тебе, комиссар».

Премия комсомола Узмунтри присуждена посмертно писателю Ю. Шарвину за книгу «Стуровый назад высылать». Ю. Шарвин присужден поэту Ю. Шарвину за книгу «Стуровый назад высылать». Ю. Шарвин присужден поэту Ю. Шарвину за книгу «Стуровый назад высылать».

Премия имени М. Сеселя Чувашского обкома ВАКСМ присуждена украинскому писателю Ю. Збанаковцу за роман «Сестель», изданный на украинском и чувашском языках, а также А. Айкову за повесть «Содержащие детей», «Патриция Мурга», «Синичка», «Золотая пчелка».

«Молодая гвардия» в Москве, «Молодость» в Киеве, «Моя гвардия» в Ташкенте — эти издательства Ленинского комсомола выпускают в свет сотни книг для молодежи, десятки произведений молодых писателей.

В 1922 году, в год основания издательства, «Молодая гвардия» издала 400 с лишним названий с более чем тридцатимиллионным тиражом. «Первая книга поэта», «Молодые писатели» — в этих книжных сериях, включивших произведения только молодых, представляли себя многочисленные советские литераторы. М. Угит — Е. Штыль, А. Вещельский и В. Агуров, А. Алиматов — В. Сизин, В. Распутин — В. Шугуров — десятки и десятки имен талантливых литераторов открыты и известны «Молодой гвардии».

Ничего тоже главным образом силами молодых прозаиков и поэтов. Впервые в мире появились альманахи «Молодая гвардия». Первый из них — «догаданный альманах «Поэзия». Второе — «Поэзия» — предназначено для публикации произведений на военно-патристическую тему.

«Високи и горы являл Уж и дед таи»

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

«Что, имаровей! — Да, имаровей! — отклик Сокола»

Горькин — хороший учитель для кинематографистов. Не случайно ведущие мастера советского кино уже не одно десятилетие обращаются в своем творчестве к произведениям великого писателя.

Советская мультипликация подошла к творчеству Горького не сразу. Для этого понадобилось почти годы труда, чтобы овладения жанром, соблюдения традиции и преодоления этих традиций.

Одним из таких картин, опровергающих наши традиционные представления о мультипликационном искусстве, стала Песня о Соколе режиссера Бориса Степанцева, созданная по одноименному произведению М. Горького.

«Песня о Соколе» — одно из самых популярных и любимых произведений нашего народа, знакомое всем со школьной скамьи; в нем, кажется, известна каждая фраза, каждая интонация. Это произведение требует от кинематографистов не только новой формы, но и нового прочтения.

Вот что рассказывает режиссер Борис Степанцев о замысле фильма:

— Сокол. Фильмом мы хотели подчеркнуть, что наше искусство, как утверждал Горь-

кин, должно активно выступать против равнодушия, мещанства, обывательщины — явления, несовместимых с обществом будущего. — Философия двобоя и дикой. Философия школьной и изворотливой. Философия ужей. Так и возник Уж — в нашей картине мещанки, обреченный в конечном итоге на гибель. Нам казалось, что такое прочтение Песни о Соколе не изжит, зависел автор, в меру, заставил Песню прозвучать с новой силой, злободневно и остро...

И действительно. Уж в картине — это враг совсем новой формации: с вездельным голодом, хроническим смехом, вульгарными манерами, фальшивыми в обращении, спешивая в серии «Философия». Образ великолепно расписан художником А. Савченко и сгран за кадром артистом Роландом Вильямом. Талантливым актер исполнил этот образ плоть и кровью реальной жизни, сделав его узнаваемым.

Кроме реплик Ужа и заключительных фраз Ужета, которые слышались как бы в шуме прибоя, в картине нет текста.

Авторы фильма постарались повести весь рассказ Горького в зрительный ряд, передать сюжет, пафос романтики

выразительными средствами кинематографа. Прежде всего необходимо было решить образ Сокола. И режиссер и художник приняли точное решение: рисуют образ Сокола через статичную композицию. Это придает ему некоторую неподвижность, но монтаж, полный динамиком и движением, продолжает статику и наполняет образ необходимой силой и чистотой горьковской эпитетности.

Нобычен фильм и в серии изобразительном решении. «Ожившим» рисунком не смог бы передать пафос борьбы, накал страстей, столкновение огня и моря. Художник обратил к живописи. И то, что не смогла бы сделать графика, передала краски. Каждый кадр фильма расписан не только кинематографично, но и живописно: игра света и тени, яркости

и мрака, жизни и смерти — такая концепция произведения. Картина снята в синевато-синих тонах, но чем гуще тени, тем ярче полыхают огни, тем сильнее разливается светлорубиновый, тем победнее сияет солнце.

Во время съемок, рассказывает В. Степанцев, мы не расставались с картинкой Врубеля. Нам казалось, что именно мятельным, страстным гением великого живописца, современника Горького, наиболее точно передается разномыслие пафос горьковского произведения...

Прекрасным дополнением и лейтмотивом и живописно она стала музыка Сирякина. Она органично переплелась с цветовым решением картины, ее темом. Такое взаимодействие музыки и живописи позволило создать в «Песне о Соколе»

«Взлетел в море все и ярким светом, и горло юным»

в своем уиселье... Возду и то узреть, где Уж свернулся, пил с неба Сокол с разбитой грудью, и крохи на перект...

вблизи глубоко — Я слышно пожил!.. Я знаю смелье!.. Я храбро видел!.. Я видел небо!..»

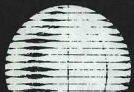

о берег бились. В их зыбком реке зрела песня о гордой птице, арожали скалы от их удубов, арожало небо от грозной песни...»

ряд сцен, которые потрясут зрителя точностью и смелостью художественного образа. Сокол гибнет, разбившись о скалы, сгорбю и волнкая звучит роля, и, словно рожденные этими гордыми и могучими звуками, всплывают во лране дыше звезды пламени. Принцип цветоуэзники, о котором так много писал и мечтал Скрыбин, практически применен в картине.

Так «Песня о Соколе» стала не только победой молодого талантливого режиссера, уже завоевавшего популярность своими прожнями работами, и его товарищев, но и еще одним шагом на пути новых открытий Горького современному зрителю, студентам, зрителю мультипликационного искусства.

Летчик-космонавт СССР, доктор технических наук Константин Петрович Бондарков отвечает на вопросы редакции журнала «Авиация и космонавтика». Ниже публикуется часть этого материала — ответы на два вопроса.

Мартовское обозрение

— Чем, на ваш взгляд, могут развиться космические корабли, предвидящиеся для полета на Луну, Марс, Венеру?

— Главное различие будет в энергетике, то есть в ракетных ступенях корабля. Весьма существенное влияние на корабли, его оснащение окажет, конечно, продолжительность полета. Если полет на Вену с возвращением займет 10—15 суток, то экспедиция на Марс или Венеру продлится 3—3 года.

Вот эти два основные причины и будут оправдывать конструктивные и внешне различия. Корабли лунной экспедиции, по моему мнению, в основном будут использовать ракетные ступени, работающие на химических топливах: кислород и углеводород или другие химические компоненты, дающие достаточно высокие удельные импульсы. В этом случае космические ракетные ступени будут занимать львиную долю объема и веса корабля. Если же применены в орбите спутника тяжелый радиоаппарат будет весить 100—200 т, то и Земля он вернется весом 5—7 т, а остальная часть в виде продуктов сгорания топлива и отработанных ступеней будет разбросана где-то на траектории Венеры, Марса и Луны, в районе Луны и на ее поверхности.

Если говорить об экспедиционных кораблях для полета на Марс и Венеру, то в настоящее время для получения необходимых скоростей выведения их с орбиты спутника Земли на траекторию полета и планет, короче говоря, и выхода на орбиту этой планеты наиболее целесообразными являются жидкостные ракетные двигатели — ионные или плазменные. Но сразу же возникает вопрос: а как получить необходимые запасы энергии для этих двигателей? Очевидно, понадобится иметь ядерные энергетические установки достаточно больших мощностей. Поэтому если лунный корабль будет постоянно находиться на современных ракетах, то космические экспедиционные корабли к Марсу и Венере скорее всего будут напоминать «парусы», на одном конце которых размещается энергетическая установка, а на другом — жилые помещения и приборные отсеки. «Парусы» — это большие радиационные поверхности, способные неиспользованной энергии, так как КПД генератора не может быть равным 1.

Каков оптимальный состав экипажа космического корабля на современном уровне развития техники, как он может измениться в будущем?

— Пока об этом говорить еще рано, потому что все создаваемые до сих пор корабли были примерно одного веса — в пределах трех — шести тонн. В них более или менее равномерно распределялось количество члена экипажа. Определенность не изойдет оптимальности, а задачами полета и энергетическими возможностями ракет-носителей.

В научно-популярной литературе делается попытка сформировать экипаж будущего космического корабля, обязательно называя командира корабля. Он не пилот. Его задача — управлять кораблем. Затем — управлять или навигатор, который умеет работать на вычислительной машине и прокладывать курс, врач, следящий за состоянием здоровья экипажа. Судя из того, что экипажа чаще всего почему-то называют астрономическими, по-моему, дело будет обстоять по-иному. Верно, что это-то из

экипажа должен заниматься управлением корабля. Кому-то придется решать навигационные задачи. Для пролонгации курса, конечно, понадобится не только хорошее знание неба, чего, кстати, достаточно не так уж трудно, но и небесной механики, методов обработки измерений, решения навигационных задач с использованием вычислительных машин, методов оценки достижимости цели. Некоторая специализация, возможно, для этого потребуются. На кораблях, предназначенных для дальних полетов, понадобится иметь врачей и медиков, которые будут следить за биологической средой внутри малых отсеков корабля и за здоровьем экипажа.

Но ни один из названных специалистов не будет обладать односторонней подготовкой, поскольку люди, чтобы составить, например, экспедицию на Венеру, должны были иметь на борту от 50 до 100 различных специалистов. Ясно, чтобы уложиться в какие-то приемлемые весовые рамки, учитывая потребление пищи, воды, трудно представить экспедицию в таком составе. Очевидно, на первых порах больше десяти человек на Венеру или Венеру послать не удастся. А это значит, что каждый должен иметь навыки по всем степеням энциклопедистов, то есть и по медицинскому, хорошо освоившим специальности. Например, командир экспедиции или корабля должен быть специалистом по пилотажу и навигатору. Не помню, есть ли тому же он будет инженером.

ЖУРНАЛ
«АВИАЦИЯ И КОСМОНАВИКА»

2.

В Фондах Государственного архива Куйбышевской области кандидат исторических наук Ю. Щербakov обнаружил ранее неизвестный документ — секретный женский циркуляр датированный 14 апреля 1967 года, о розыске американского гражданина Дюна Дриса и немедленном его аресте. Будущий автор знаменитой книги «10 дней, которые потрясли мир», представитель социалистической прессы США Джон Рид в годы первой мировой войны совершила большую поездку по странам Европы в качестве корреспондента журнала «Метрополитен». Он хотел попасть и в Россию. Однако получить разрешение царского правительства на выезд в страну для журналиста, известного своими связями с социалистами, было не так-то просто. И тогда Джон Рид решил проникнуть в Россию с черного хода. Весной 1915 года вместе с кандидатом исторических наук Бортом Робинсоном, иллюстрировавшим его материалы, с помощью подполковника румынского офицера он переправился через границу. Тут и оказался в руках Российской империи. Но далеко от границы ему уйти не удалось.

В городе Уфа, расположенном вблизи линии фронта, оба были арестованы как подозреваемые в шпионаже в пользу Германии. Лишь вмешательство американского посла позволило Дюну Риду и его другу освободиться. В Петрограде они не смогли задержаться надолго. Американский посол сообщил Риду, что полиция обвиняет его в шпионаже, но он в Россию тайное послание русским революционерам. На деле царское правительство опасалось ра-

зоблательных статей Рида и предположил ему и художнику немонархическому выехать в Америку через Владивосток. Такой путь не устраивал журналиста, но в Бухарест остались материалы Рида, собранные во время путешествия по Европе. Он подложил полицию и вместе с другом сел в поезд до Бухареста. Тогда-то и был объявлен розыск. В соответствии с циркуляром Риду в случае ареста грозил суд и тюремное заключение на срок от 8 месяцев до 1 года 4 месяца. В начале Рид и Робинсон были снова арестованы и препровождены в Петроград. Лишь после многочисленных прошений им разрешили выехать тем же путем в Румынию. Но почему все-таки дело не дошло до суда? Выручил Рида бюрократизм царских учреждений. Розиск был объявлен в мае 1915 года, а циркуляр о задержании Ридки и предании суду датирован апрелем 1916 года. Пока жандерские делопроизводители писали этот документ (ныне обнаруженный в Куйбышев), журналист и художник покинули пределы Российской империи.

ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

3.

Вонючие приписывают немалое творческое начало. Позвольте и мне воспользоваться возможностью — писать техник-архитектор Алестина Лунашина. — Идея моей статьи родилась при рассматривании вранского гнезда. Наради оно кажется таким пушистым, теплым и уютным, что так и хочется перенестись в него. Но не в природе технологии и получить вонючие.

Качество в Крыму мы поймали забавное южное насекомое — богомола, точнее богомолку. Привез ее в Москву, и она жила у нас в квартире более полугода. Самка отложила несколько яиц, из которых вывелись два полтора-миллиметровых детеныша. Вскоре юные Богомолы делают из одного «шурша» — клочья вонючести, затвердевающей на воздухе.

Вне оставалось лишь последовать примеру насекомое: изготовить образец шапки-нонана и

1. КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА
2. Как царские бюрократы «выручили» Джона Рида
3. ИЗОБРЕТАТЕЛИ И МОДИЦАМ
4. Двойник картины Поленова
5. Новые модели «Фата»
6. «Обезьяна — лесоруб»
7. ШЕСТЬ ПИСЕМ ИЗ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА
8. Можно ли «слышать» радиосигналы?
9. ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА В НЬЮ-ИОРКЕ
10. Человек помог акуле

оформить записку на приобретение. Надеемся, новый голоной убор вам понравится.

Во Франции запатентована шпиль-шумка. Надеясь на голову, мы как ни в чем не бывало отправимся да прогуляем. Несомненно на вашем пути встанет змеи-покуситель в образе куртки со спущенными рукавами. Сняв шпиль и взяв ее за упрежденные концы ручки, вы нащупываете роковую точку, где только что находилась ваша голова.

ЖУРНАЛ
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
И РАЦИОНАЛИЗАТОР

4.

Любой читатель, взглянув на первый снимок, скажет, что перед ним репродукция с картины В. Д. Поленова «Бабушкин сад». Картина эта написана в 1918 году и находится сейчас в Третьяковской галерее.

А, что на втором снимке? Оказывается, фотонизм с открытки, на которой репродукция картин под тем же названием.

Однако при сравнении бросаются в глаза различия: не совпадают цвет краски ирвонки, количество ступенек крыльца, рисунок решетки, фигуры бабушки и внука, формат картины и т. д. Кроме того, открытка не точная копия с картины, находящейся в Третьяковской галерее.

Что же это? Копия, выполненная другим художником, или иной вариант, сделанный самим Поленовым? Где находится сам оригинал? На открытие почтовый штампель: «Луга 13.8.74». В правом нижнем углу штампелем: «Младенец Петергофского об-ва».

Получивший А. Никитин, когда-то доставший эту открытку, живет в Третьяковской Галерее в Ленинграде. «Двойника» поленовской картины там не оказалось. И лишь третий вариант у музей-усадьбы В. Д. Поленова в Тушинской области. Некогда которую искусство: специально для общества Красного Креста. Впоследствии серию художественных открыток, Поленов сделал акварельный вариант картин «Бабушкин сад», а еще в него неопубликованные варианты.

Теперь остается невыясненным только одно: где находится оригинал акварельного варианта картины? Может быть, кто-нибудь пожелает найти его?

ЖУРНАЛ
«ФИЛАТЕЛИЯ СССР»

5.

На автомобильных выставках в Турине и Женеве были показаны новые модификации широкоизвестного автомобиля «ФИАТ-124»: два автомобиля с кузовом «цикл» и автомобили высокой проходимости «ФИАТ-124 Форстрэд» и «ФИАТ-124 Саавана». Таким образом, к трем ранее известным автомобилям модели «ФИАТ-124» («ФИАТ-124 стандартная», «ФИАТ-124 Универсал» и «ФИАТ-124 Спорт») прибавились новые модели.

Автомобиль «ФИАТ-124 Спорт» имеет плоскую крышу, большую площадь остекления. При создании этого автомобиля конструкторы использовали опыт работы над новой моделью «ФИАТ-850». Максимальная скорость ее— 170 километров в час.

Автомобиль высокой проходимости «Форстрэд» предназначен для бездорожья. Кузов несущей конструкции открытый, со связными явками тентом. Лобовое стекло можно откинуть вперед. База автомобиля по сравнению с другими моделями «ФИАТ-124» укорочена до 2020 миллиметров. Установка на коробке двухступенчатого редуктора увеличивает число передач, что облегчает эксплуатацию в различных дорожных условиях.

Автомобиль «Саавана» предназначен для сельской местности. Кузов автомобиля открытый, двери кузова съёмные. В багажнике можно размещаются два запасных колеса.

ЖУРНАЛ
«АВТОМОБИЛЬНАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»

6.

Компанией «Форестри Сервис Продактс» (СПА) разработана оригинальная машина, называемая «древесной обвалкой». Пока забравшись на дерево, она обрезает его по частям, начиная с верхушки и кончая корнем. Если же нужно отпилить только верхушку, то она, отпилив, сама спускается вниз.

ТАИМ,
США

7.

Около семнадцати лет членкорреспондент Академии наук СССР А. В. Ардеховский собирает в одну кучку новгородские берестяные грамоты, представляющие в своем роде нове. Первые листок ее был найден в 1951 году. Недавно обнаружено сразу шесть древнейших писем на бересте. Пять из них — обычные торговые счета, а шестая грамота нежна тем, что служит первым документом о существовании в древнем Новгороде цветной металлургии. На темно-коричневом поле бересты начертано имя адресата Спирина. В тексте упоминается о продаже свинца и олова, говорится о чьих-то красных погонцах и о поездке в Стуаль.

Теперь в своеобразном алмазнике насчитывается 441 берестяная грамота. Каждая — интересный документ, свидетельствующий о высокой культуре наших предков.

ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

8.

Доктор Ниглос из Норнелского университета путем ряда экспериментов доказал, что некоторые люди могут «услышать» сигналы радиодиагностов. Находясь вблизи радиодиагностов, они слышат высокой тональности звук. Если же испытуемые находятся за экраном, который отделяет их от лучей радиодиагностов, то звуков не слышат. Но слышат, если радиодиагностические лучи возбуждают нервную систему человека. Возможно, негиз, но не воздерживаются на обычной радиоаппарат.

Чувствительность и таким сигналам обусловлена главным образом у людей с дефектами слуха. Установлено также, что подопытные воспринимаемого источника звука не вынимаются при повторных испытываемых в электромагнитном поле радиодиагностов.

Описание явления может найти применение при исследовании причин глухоты.

ЖУРНАЛ
«НЬЮ САЛЕНТИСТ», АНГИЛИЯ

9.

Необычная ослепляющая лихорадка вспыхнула недавно в Нью-Йорке. Кто же виноват? Оказалось, что некий рыбак Вильям Пострелл, продавая в Нью-Йорке плаву, попал в песне золотую мушкету — дублон 1713 года. Эти деньги были в обращении в Пенсиль. В тот же день другой рыбак обнаружил еще один дублон, но чужеземный в другом году. Соседи Вильяма также нашли пять монет. Когда об этом узнали репортёры, Нью-Йорк окликнула золотая лихорадка. Тысячи людей потянулись на пляж и начали перебирать песок вдоль побережья. Общей суммарности было найдено 23 монеты. Это то владельцы магазинов по продаже хозяйственных инструментов — лопат, граблей, совков, решают — заработали в несомненно дней сотни тысяч долларов, как если бы монеты были в обращении в эти дни по объявленным ценам.

Предполагает, что монета пирата занесла здесь кину. Однако ослепяющие утверждают, что монета о «пиратах» может прийти в голову одному из хозяев магазинов по продаже граблей и лопат. Что и, может быть.

ЖУРНАЛ
«ТЫГОДИНИ МОРСКИ», ПОЛЬША

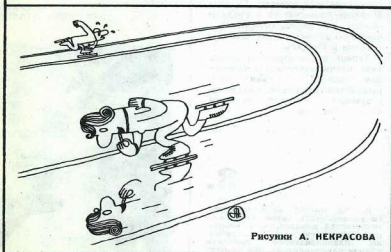
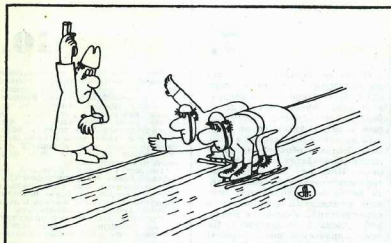
10.

Эти поистине необычайные снимки, потребовавшие немалого хитрости, были сделаны немецким фотографом Петером Коппом, которому удалось зафиксировать четкие моменты родов акулы. А роды были незаметны, так что потребовалась даже помощь человека. Эта сцена относится и ввиду живородящих акул, и роды у них во многом похожи на роды семей млекопитающих.

Но вот акулонок появилась на «белый свет». На фотографии виден «ступени», еще связывающий его с матерью, которую женщина, принимавшая роды, именно в этот момент собирается перевернуть. Все закончилось благополучно, и на последнем снимке можно увидеть, как мать и сын плавают рядом.

ЖУРНАЛ
«ЕУРОПЕО», ИТАЛИЯ

Рисунки А. НЕКРАСОВА

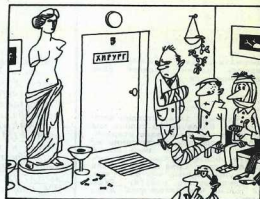
— КЛОПЫ НЕ ВЕСПОКОЯТ?

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

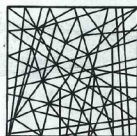
Первая страница обложки: выход из мультипликационного фильма «Песня о Соколе». Работа художника А. САВЧЕНКО. [Материал об этом фильме смотрите на стр. 28—29.]

5
НА ДАЭ
МЫШЬ
НИГ

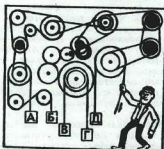
Рисунки В. БЛАННИМАНА

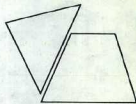
Найдите десять различий между этими рисунками

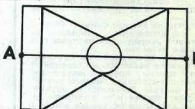
2. Определите, какие из гирь, обозначенных буквами, поднимутся вверх и какие опустятся, если мы потянем за шнур?

1. В квадрате среди хаоса линий скрываются две фигуры (треугольник и трапеция). Попробуйте их обрисовать.

3. Попробуйте нарисовать эту фигуру, не отрывая карандаш от бумаги и не проходя для ни дважды по одной и той же линии.

1. В 18 числах в верхнем ряду расположены в следующем порядке: —1, +2, —3, +4; в нижнем ряду: +1, —2, 30 +3, —4.

ОТВЕТЫ

НА

ЗАДАЧИ

№ 5

1	2	3	4	5	6
6	1	2	3	4	5
5	6	1	2	3	4
4	5	6	1	2	3
3	4	5	6	1	2
2	3	4	5	6	1

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редколлегия: В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. И. Замочкин, Р. Ф. Назарова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рабчинко, Г. В. Савенко, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; сюжеты и художники — Д 1-09-51; международный связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; шпана — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотографии и репортажи — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-68; оформления — Д 0-50-53.

Художник-оформитель В. Соколов

Технический редактор Н. Вудина

А 0029. Сдано в набор 8/II 1969 г. Подписано и печати 29/II 1969 г. Формат бум. 70 × 105^{1/2}. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000. Изд. № 585. Заказ № 503.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

А САМОЛЕТЫ САМИ НЕ ЛЕТАЮТ

Слова Игоря ШАФЕРАНА
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

Скучаем по любимым и по дому,
Волнуемся, по правде говоря.
Но каждый день гудят аэродромы,
И теплоходы держат путь в моря.

А самолеты сами не летают,
А теплоходы сами не плывут.
И мамы не всегда нас понимают,
Но все-таки когда-нибудь пойдут.

Встречают нас у самого порога
Зимой — морозы, осенью — дожди.
Но уютной бекит в тайгу дорога,
И город поднимает этажи.

А вздоходы сами не шагают,
А новостройки сами не растут.
И жены не всегда нас понимают,
Но все-таки когда-нибудь пойдут.

О том, что маловато дней в неделе,
Порой нам приходится жалеть:
Ведь главное не то, что мы успели,
А то, что предстоит еще успеть.

А просто так удачи не бывает,
А просто так победы не прядут.
И дети не всегда нас понимают,
Но все-таки когда-нибудь пойдут.

А просто так удачи не бывает,
А просто так победы не прядут.
И самолеты сами не летают,
И теплоходы сами не плывут,
И вздоходы сами не шагают,
И новостройки сами не растут.

По горизонтали:

3. Сормовский рабочий, прототип Павла Власова в романе «Ветер». 6. Пьеса М. Горького. 7. Герой одного из первых рассказов М. Горького. 11. Действующее лицо пьесы «Дети солнца». 12. Рабочий в пьесе «Враги». 15. Пьеса М. Горького. 16. Персонаж романа «Жизнь Клима Самгина». 18. Действующее лицо пьесы «Соник и другие». 21. Палеонтолог, иллюстрировавший, по рекомендации М. Горького, «Слово о полку Игореве». 22. Персонаж рассказа «Манар Чурда». 23. Один из художников, иллюстрировавший произведение М. Горького. 26. Персонаж романа «Жизнь Клима Самгина». 27. Рассказ М. Горького. 31. Кухарка в пьесе «Мещанин». 33. Герод, дав вел пропагандистскую работу молодой А. Пешкову. 34. Персонаж пьесы «На дне». 35. Главное действующее лицо одной из пьес М. Горького. 36. Персонаж пьесы «Дачники». 40. Остров близки Неаполя, дав несколько лет жил М. Горький. 41. Певец в пьесе «Мещанин». 42. Старый чабан в рассказе «Песня о Саватаре». 45. Лесник в пьесе «Егор Булычов и другие». 46. Рассказ М. Горького. 48. Писатель, один из участников издательства «Знание», возглавляемого Горьким. 50. Порт на Волге.

По вертикали:

1. Литературный герой романа М. Горького. 2. Действующее лицо пьесы «Враги». 4. Писатель, сотрудничавший с М. Горьким. 5. Рабочий в пьесе «Дачники и другие». 8. Главный персонаж романа М. Горького. 9. Столж в пьесе «Дачники». 10. Главное действующее лицо пьесы М. Горького. 12. Скульптор, автор памятника М. Горькому в Москве. 14. Персонаж пьесы «Фальшивая монета». 16. Действующее лицо пьесы «Дети солнца». 17. Персонаж пьесы «Последние». 19. Действующее лицо двух пьес Горького. 20. Писатель, историк М. Горькин считал своим учителем. 24. Кинорежиссер, снявший фильмы на темы автобиографических произведений М. Горького. 25. Действующее лицо в прозе М. Горького. 29. Персонаж повести «В поезде». 30. Газета, в которой был напечатан первый рассказ М. Горького. 32. Действующее лицо романа М. Горького. 37. Один из супругов Горьких в рассказе М. Горького. 38. Журнал, основанный М. Горьким. 39. Герой одной из пьес М. Горького. 43. Персонаж пьесы «Сарани». 44. Народный художник СССР, автор портрета М. Горького. 47. Действующее лицо пьесы «На дне». 48. Персонаж пьесы «Варвары».

К Р О С С В О Р Д

Составил
М. ГОМЧАРОВ,
г. Запорожье

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

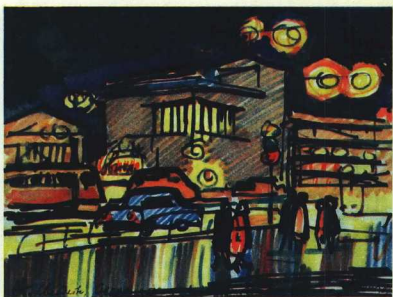
6. Горюхин. 6. Чайкина. 10. Модряк. 11. Витязь. 13. Асува. 14. Нерис. 15. Репертуар. 17. «Ревизор». 18. Собинин. 19. Писцов. 21. Витязек. 22. «Видеала». 23. «Спартак». 26. Тамогла. 29. Самсон. 31. Шелягин. 33. Англома. 34. Тетюшника. 35. Аржус. 37. Плато. 38. Сограт. 39. Драпига. 40. Алфавит. 41. Волкова.

По вертикали:

1. Фотон. 2. Спрингер. 3. Райдрок. 4. Эрикс. 5. Гинсер. 7. Абринос. 8. Карелия. 9. Светлов. 10. «Марина». 12. Мерме. 15. Ротарият. 16. Ромкирова. 19. Пегас. 20. Сиваш. 24. Палтус. 25. Нантала. 26. Горьково. 27. Гривид. 28. Витрина. 30. Скелана. 32. Георгин. 33. Аксаков. 36. Собат. 37. «Праха».

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК. ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА.

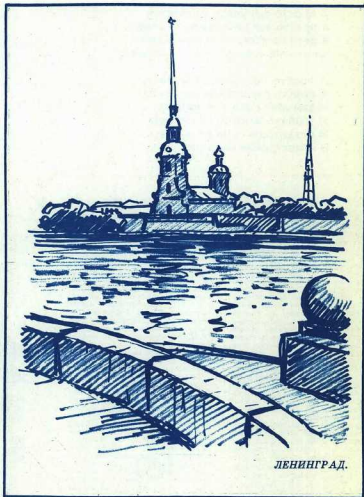
СВЕРДЛОВСК. «СОВКИНО» И ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ.

Всматриваясь в мир...

Москвич Алексей Кетов не профессиональный художник, но где бы ни был он по служебным делам, всегда с ним его «мольберт, краски, карандаши... Он с интересом всматривается в окружающий его мир и везде замечает то, что на первый взгляд могло бы показаться «недостойным» внимания художника: лишены внешней привлекательности, оригинальности. В не-

бросных, «обыкновенных» пейзажах, в зарисовках непримечательных городских уголков зрителю открывается то, что рождает в работах Кетова город с природой, — острое видение художника и его взволнованное, лирическое отношение к тому, что он заметил и что передает в своем рисунке.

Н. ДМИТРИЕВА

ЛЕНИНГРАД.

ВЛАДИМИР.